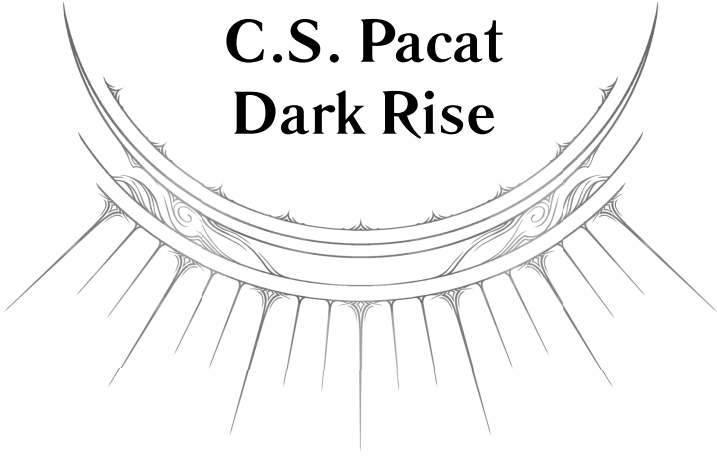


C.S. Pacat
Dark Rise



К.С. ПАКАТ

И ТЬМА ВЗОЙДЁТ



Москва
2022

УДК 821.111-312.9(94)

ББК 84(8Авс)-44

П13

C.S. Pacat

DARK RISE

Copyright © Gatto Media Pty Ltd 2021

Перевод с английского *Анны Сешт*

Пакат, К. С.

П13 И тьма взойдёт / К. С. Пакат ; [перевод с английского А. Сешт]. — Официальное издание. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-04-164768-1

Герои древних сказаний мертвы. Великие битвы между Светом и Тьмой забыты. Лишь Хранители помнят о них – и веками ждут, когда вернётся Тёмный Король. Ибо тогда пробьёт их час, ведь человечеству больше не на кого будет надеяться.

Шестнадцатилетний юнга Уилл бежит от людей, убивших его мать. Когда старый слуга рассказывает, что его предназначение – сражаться бок о бок с Хранителями, Уилл становится частью совершенно другого мира. Мира, где существует магия. Мира, где Уилл должен тренироваться до изнеможения, чтобы сыграть ключевую роль в надвигающейся битве с Тьмой.

Пока Лондон ждёт возвращения Тёмного Короля, а юные воины Света и Тьмы ищут своё место в грядущей войне, герои и злодеи из старых легенд возвращаются, чтобы снова встретиться на поле боя. И в душах их пробуждаются давние пристрастия, давняя вражда... и пламя любви, что сильнее вечности.

УДК 821.111-312.9(94)

ББК 84(8Авс)-44

© Анна Сешт, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-164768-1

ПРОЛОГ

Лондон, 1821

— **П**риведи его в чувство, — велел Джеймс. Суровый моряк быстро поднял деревянное ведро, которое держал в руках, и выплеснул содержимое в лицо мужчины, безвольно повисшего перед ними на цепях.

Вода хлестнула пленника, и он пришёл в себя, кашляя и хватая ртом воздух.

Даже мокрый, избитый и закованный, Маркус держался с благородством, словно доблестный рыцарь на выцветшем гобелене.

«Высокомерие Хранителей», — подумал Джеймс.

Оно витало в воздухе, словно вонючие речные миазмы, несмотря на то, что Маркуса обездвигили и заковали в трюме грузового судна Саймона Крина.

Изнутри корабль походил на китовую утробу из дерева: с низким потолком, без окон. Свет давали только две лампы, которые моряки подвесили около часа назад, когда притащили пленника. Снаружи всё ещё было темно, хотя Маркус не мог об этом знать.

Маркус моргнул мокрыми ресницами. С прядей тёмных волос, упавших на глаза, стекала вода. Изодранные одежды ордена с белой звездой на груди потемнели от грязи и крови.

Джеймс видел, как нарастал ужас в глазах Маркуса, когда тот понял, что всё ещё жив.

Он знал. Он знал, что его ждёт.

— Итак, Саймон Крин оказался прав насчёт Хранителей, — проговорил Джеймс.

— Убей меня, — голос Маркуса звучал хрипло, словно, увидев Джеймса, он в полной мере осознал, *что* происходило. — Убей меня, Джеймс. Прошу. Если ты хоть что-то испытывал ко мне.

Джеймс отослал моряка, стоявшего рядом, дождался, пока тот уйдёт, пока смолкнут все звуки, кроме шума воды и скрипа дерева, и они с Маркусом останутся наедине.

Руки пленника сковали за спиной, не позволяя толком удерживать равновесие. Он неловко повис на цепях, которые крепились к четырём железным bracketам¹ корабля и надёжно удерживали Маркуса. Взгляд Джеймса скользил по массивным железным звеньям.

— Все эти обеты. Да ты и не жил никогда по-настоящему. Разве тебе не хотелось быть с женщиной? Или с мужчиной.

— Вроде тебя?

— Эти слухи, — ровно проговорил Джеймс, — лживы.

— Если ты когда-нибудь испытывал хоть что-то к кому-то из нас...

— Ты отстал от стада, Маркус.

— Умоляю...

Пленник произнёс эти слова так, словно в мире существовал некий кодекс чести, словно стоило только обратиться к светлой стороне человека — и добро восторжествует.

Джеймс был по горло сыт этим лицемерным самодовольством.

— Что ж, тогда умоляй меня. На коленях умоляй, чтобы я убил тебя. Давай же.

Он не предполагал, что Маркус так и поступит, но тот в самом деле опустился на колени. И скорее всего, ему это даже нравилось — преклонить колени в акте мученического самопожертвования. Маркус был Хранителем; он всю свою жизнь провёл, соблюдая обеты и следуя правилам, веря в понятия вроде благородства, истины и добра.

В цепях, без возможности удержать равновесие руками, Маркус двигался неловко; это было унижительно, но он всё-таки с трудом принял новую позу, склонив голову и раздвинув колени на досках.

— Прошу, Джеймс. Прошу тебя. Ради того, что ещё осталось от Хранителей.

Джеймс посмотрел сверху вниз на его склонённую голову, на измученное, но всё ещё красивое лицо человека,

¹ Bracket — пластина прямоугольной или иной формы, служащая для подкрепления балок судового набора или соединения их между собой. (Здесь и далее прим. пер.)

сохранившего достаточно наивности, чтобы на что-то надеяться.

— Я останусь верен Саймону, — сказал Джеймс, — и буду рядом с ним, когда он прервёт весь род Хранителей. И не останюсь до тех пор, пока в вашем Чертоге не останется никого, пока последний ваш светоч не померкнет. А когда придёт тьма, я буду стоять по правую руку от того, кто станет править всем, — голос Джеймса не дрогнул. — Думаешь, я что-то испытывал к вам? Ты забыл, кто я.

Маркус поднял взгляд, и его глаза сверкнули — единственным предупреждением. Хранитель дёрнулся, призвав всю свою силу; его мышцы напряглись, бугрясь, оковы впились в плоть... На один ужасный миг железо застонало, поддаваясь...

Маркус с болью застонал — тело подвело его. Джеймс коротко, с облегчением рассмеялся.

Хранители были сильны. И всё же недостаточно.

Маркус тяжело дышал. Его взгляд горел гневом, но под покровом гнева таился страх.

— Ты не правая рука Саймона, — проговорил он. — Ты лишь жалкий червь. Лизоблюд. Скольких из нас ты убил? Сколько ещё Хранителей погибнет из-за тебя?

— Все до единого. Останешься только ты.

Лицо Маркуса стало пепельно-серым, и на миг Джеймсу показалось, что тот снова будет умолять. О, Джеймсу бы это понравилось. Но в тягучей тишине Маркус просто смотрел на него. Что ж, пока хватит. Маркус ещё *будет* умолять, прежде чем всё закончится. Джеймсу даже провоцировать не придётся — нужно просто немного подождать.

Маркус будет умолять, но никто не придёт ему на помощь, никто не найдёт здесь, на корабле Саймона.

Удовлетворённый, Джеймс развернулся и направился к деревянному трапу, ведущему на палубу. Он уже занёс ногу над первой ступенькой, когда за спиной раздался голос Маркуса:

— Мальчик жив.

Джеймс ощутил жгучую досаду оттого, что эти слова заставили его остановиться. И всё же он удержался: не обернулся, не посмотрел на Маркуса, не заглотив наживку. Поднимаясь по трапу, он ответил спокойно и ровно:

— Именно в этом заключается ваша проблема, Хранители. Вам всегда кажется, что надежда ещё есть.

ГЛАВА 1

Три недели спустя

Уилл увидел Лондон впервые ещё до восхода солнца — угольно-чёрные силуэты на фоне чуть более светлого неба, лес мачт на реке и подъёмные краны, строительные леса, трубы и дымоходы.

Доки просыпались. Двери первого склада на левом берегу были отперты и широко распахнуты. Там собрались мужчины, которые выкрикивали свои имена в надежде получить работу; другие уже сидели в мелководных лодках, сматывая верёвки. Старший помощник в атласном жилете приветствовал бригадира. Трое детей в закатанных штанах копались в грязи в поисках медного гвоздя или небольшого кусочка угля, обрывка верёвки или обломка кости. Женщина в тяжёлых юбках сидела на ящике и громко перечисляла сегодняшние товары.

Речная баржа неспешно скользила по чёрной воде. Уилл высунулся из-за связанных между собой бочек рома, готовясь спрыгнуть на берег. Ему поручили проверить верёвки, которыми стянули бочки, чтоб те не скользили, а затем сделать на канатах петли или же просто навалиться всем весом, чтобы помочь разгрузить судно. В отличие от большинства портовых рабочих, Уилл не отличался крепким, точно вол, телосложением, но он был трудолюбив, и его способностей хватало, чтобы тянуть бочки и закидывать мешки в телегу или лодку.

— Впереди причал, пристаём! — крикнул Эбни, хозяин баржи.

Уилл кивнул и подхватил верёвку. Сперва — утренняя работа по разгрузке, потом — перерыв на полчаса. Рабочие обычно проводили свободное время за курением трубок и употреблением спиртного. Мышцы юноши уже болели от натуги, но он знал, что скоро войдёт в ритм, встроится. Наградой же за труд служили чёрствая краюха хлеба, корка сыра и гороховый суп

из котла. Уилл уже с нетерпением ждал конца дня, представляя согревающий вкус похлебки и радуясь, что перчатки без пальцев уберегали руки от холода.

— Приготовить верёвки! — выкрикнул раскрасневшийся от спиртного Эбни, который держал ладонь на ближайшем из канатов, прямо рядом с одним из узлов Уилла. — Креншоу хочет, чтоб мы разгрузили баржу до полудня.

Команда баржи резво взялась за дело. Остановить тридцатитонное судно с помощью одних только течений и шестов тяжело и в дневном свете, а уж в темноте — тем более. Ткнёшь слишком быстро — и длинные жердины сломаются, слишком медленно — и баржа врежется в пристань, дерево треснет. Матросы лихтера погружали шесты в речной ил и наседали, противодействуя всей массе судна.

— Отдать швартовы! — прозвучала команда. Теперь нужно было закрепить баржу у причала, прежде чем начать разгружать.

Баржа замедлила ход и постепенно остановилась, чуть покачиваясь на тёмной воде. Матросы убрали шесты и бросили швартовые концы, потом как следует натянули верёвки и завязали крепкие узлы.

Первым с баржи спрыгнул Уилл и закрепил свой канат на швартовочном столбе, помогая тем, кто остался на палубе, притянуть баржу поближе к причалу.

— Бригадир сегодня будет пить с торговцем, — сказал Джордж Мёрфи, ирландец с пышными бакенбардами, который тянул канат вместе с Уиллом. Об этом говорили все в доках — о работе и как её получить. — Может, предложит нам поучаствовать в новом дельце, если тут хорошо справимся.

— Когда выпьет, он, конечно, в ударе, но вот удар этот обычно мимо, — ответил Уилл, и Мёрфи добродушно хмыкнул. Как правило, Уилл ничего не комментировал.

— Думаю, пересекусь с ним опосля, погляжу, может, наймёт меня, — сказал Мёрфи.

— Это в любом случае лучше, чем стоять у ворот, надеясь, что дадут работу на денёк, — согласился Уилл.

— Может, даже мясца перепадёт в воскресенье...

Щёлк!

Уилл повернул голову как раз вовремя, чтобы заметить, как один из канатов сорвался и взметнулся в воздух.

На этом судне перевозили тридцать тонн груза: не только ром, но и пробковое дерево, ячмень и порох. Верёвка, соскользнувшая с железных колец, высвободила всё это, прорвав холст, и бочки покатались по причалу, кувыркаясь и громокая. Мёрфи стоял прямо у них на пути.

«Нет!»

Уилл бросился на Мёрфи, оттолкнув его в сторону от каскада бочек, и принял удар одной на себя. Зубы клацнули, плечо вспыхнуло от боли. Тяжело дыша, юноша приподнялся, глядя на потрясённое лицо Мёрфи, и почувствовал прилив дикого облегчения — мужчина оказался в полном порядке, разве что шапка слетела, обнажив примятые волосы над бакенбардами. А потом оба осознали весь ужас происходящего.

— Тяните! Тащите их из воды!

Рабочие вокруг ныряли, отчаянно пытаясь спасти груз и вытаскивая бочки на галечный берег. Уилл тоже прыгнул в реку, стараясь не обращать внимания на повреждённое плечо, но гораздо сложнее оказалось игнорировать вспыхивавшие перед глазами образы: как сорвался канат, как Мёрфи стоял прямо на пути бочек. Груз ведь мог убить его. Уилл постарался сосредоточиться на задании. Интересно, насколько сильны повреждения? Пробковое дерево всплыло, бочки с ромом как следует закупорили, а вот селитра растворялась в воде. А ведь ещё был порох — не отсырел ли он намертво?

Каково это — потерять полную баржу пороха? Неужели всё дело Креншоу, всё его богатство в буквальном смысле пошло ко дну?

В доках случалось всякое. Только на прошлой неделе Уилл видел, как ломовая лошадь, тянувшая баржу по каналу, внезапно понесла в сторону, сорвав канаты и перевернув судно. А Эбни рассказывал, как лопнула цепь, убив четверых рабочих и отправив на дно груз угля. У Мёрфи не хватало двух пальцев из-за неудачно поставленных ящиков. Каждый докер понимал, что такова повседневная реальность: кто-то пытался сэкономить, кто-то — схалтурить.

— Чёртова верёвка соскользнула! — выругался Беккет, пожилой рабочий в коричневом жилете, застёгнутом под горло,

и указал на порванный канат. — Во, — затем повернулся к Уиллу, который стоял ближе всех. — Эй ты, принеси-ка ещё верёвки и лом, чтоб вскрыть эти бочки, — старик кивнул в сторону склада. — И побыстрее. Чем больше потеряем времени — тем меньше заплатят.

— Да, мастер Беккет, — ответил Уилл, прекрасно понимая, что лучше не спорить.

Старик уже повернулся к нему спиной и отдавал распоряжения остальным возвращаться к работе и нести мешки и ящики в обход стоявших на берегу бочек, с которых стекала вода.

Уилл поспешил к складу.

* * *

Склад Креншоу, одно из множества больших кирпичных зданий, выстроившихся вдоль берега, заполняли товары в бочках и ящиках. Они лежали здесь ночь-другую, прежде чем попасть в гостиные, на обеденные столы или в чьи-то курительные трубки.

Воздух внутри оказался холодным и до тошноты вонял серой из жёлтых баков, шкурами, сложенными в стопки, и приторно-сладким ромом в бочонках. Уилл уткнулся носом в рукав, когда сильный до рези в горле запах специй, которых он никогда не пробовал, перебил даже аромат свежего табака, сложенного там же. Пару недель назад им пришлось таскать ящики на складе вроде этого, после чего Уилл кашлял несколько дней, с трудом скрывая это от бригадира. Юноша уже привык к вони реки, но от запахов смолы и спиртного у него слезились глаза.

Рабочий с аляповатым ярким платком, повязанным вокруг шеи, укладывал брёвна, но при виде Уилла остановился.

— Ты чего, потерялся?

— Беккет послал меня за верёвкой.

— Там поищи, — рабочий ткнул большим пальцем за спину.

В дальнем конце склада рядом с несколькими старыми бочками и грудой пропахших смолой канатов Уилл нашёл лом, подхватил его и огляделся в поисках запасного мотка верёвки, который можно перекинуть через плечо и отнести обратно на баржу.

Рядом ничего не наблюдалось, как и за бочками. А вот слева виднелся какой-то предмет, полуприкрытый белой тканью. Может, там? Уилл протянул руку и стащил пыльное полотно. Ткань соскользнула на пол.

Материя скрывала прислоненное к ящику с грузом зеркало, отлитое из металла — явно старинное, артефакт древней эпохи, когда отражающие поверхности ещё не делали из стекла. Искривлённое, испещрённое прожилками, оно разбивало отражение Уилла на разрозненные части: мутные пятна бледной кожи и тёмных глаз. «Здесь тоже ничего», — подумал он и собирался уже вернуться к поискам, когда что-то внутри зеркала привлекло его внимание.

Вспышка.

Уилл резко обернулся, решив, что увидел в отражении чьё-то движение за спиной, но там никого не оказалось. Странно, неужели почудилось? Этот конец склада пустовал, лишь длинные безлюдные коридоры тянулись между сложенными ящиками. Юноша снова посмотрел в зеркало. Матовая металлическая поверхность потускнела от времени и местами покоробилась, так что едва позволяла разглядеть контуры собственной фигуры. Однако в замутнённой глубине всё ещё виделось движение.

Отражение менялось.

Уилл замер и уставился в зеркало, не решаясь даже вздохнуть. Смутные очертания на металле преображались у него на глазах, складываясь в колонны и широкие открытые пространства... Это казалось совершенно невозможным, и всё же это происходило. В матовой поверхности отражалось какое-то древнее место. И никого, чтобы остановить Уилла, велеть ему не приближаться, не вглядываться сквозь годы.

Там, внутри зеркала, была женщина. Её он увидел первой, или, по крайней мере, так ему показалось, а потом уже разглядел огонёк свечи. Волосы незнакомки оказались заплетены в косу, перекинутую через плечо, и спускались до самого пояса, мерцаая золотом в огоньке свечи. Она что-то писала на страницах книги с ярким цветным обрезаем. Заглавные буквы украшали крошечные фигурки. Снаружи царилась ночь. В комнате виднелся балкон со сводчатым потолком и несколькими ступеньками, которые — откуда-то Уилл знал точно — вели

в сады. Он никогда не видел этого помещения, но откуда-то помнил сочную зелень, ночные запахи и тёмные кольшущиеся силуэты деревьев. Инстинктивно юноша подался вперёд, чтобы разглядеть отражение чуть лучше.

Женщина перестала писать и вдруг повернулась к нему.

Она смотрела прямо на Уилла мамиными глазами. Он поборол невольное желание отступить на пару шагов.

Незнакомка направилась к нему, пока не подошла вплотную, на расстояние вытянутой руки. Платье шлейфом тянулось за ней. Уилл видел подсвечник со свечой в её руке и яркий медальон на шее, и даже мог бы разглядеть собственное лицо в её глазах — маленькое, как трепещущее пламя свечи, двойное мерцание.

Но вместо этого увидел в глазах женщины отражение зеркала, серебряного, нового.

Того же самого, в которое смотрел сам Уилл.

— *Кто ты?* — раздался голос.

Он отпрянул, споткнулся и только в тот момент с досадой понял, что вопрос, конечно же, донёсся не из зеркала, а из-за спины. Один из складских рабочих подозрительно оглядывал застывшего юношу, подняв лампу.

— А ну-ка марш работать!

Уилл моргнул. Перед ним снова простирался склад с отсыревшими ящиками, унылый и обычный. Сады, высокие колонны и леди в зеркале исчезли. Как будто заклинание разрушилось. Или всё это ему только привиделось? Может, из-за запахов на складе? Хотелось немедленно потерять глаза, может, даже поймав тот образ, который он видел только что. Но зеркало стало просто зеркалом, отражающим обычный мир вокруг. Видение в нём исчезло — фантазия, грёза или просто игра света.

Сбросив оцепенение, Уилл заставил себя кивнуть и говорить:

— Да, сэр.

ГЛАВА 2

Бездельничанье перед зеркалом на складе обошлось Уиллу в три недели урезанного заработка и понижением. Теперь он выполнял самые тяжёлые работы в доках, но заставил себя пройти через это, хотя мышцы горели, а живот сводило от голода. Первые три дня пришлось заниматься дренажными работами и таскать грузы, затем разжалованного юношу отправили крутить кабестан¹. Вместе с шестью другими рабочими — каждый намного крупнее самого Уилла — он с трудом крутил ворот, поднимавший гигантские контейнеры по восемнадцать футов. С ноющими от усилий ногами он каждый вечер возвращался в переполненную ночлежку, слишком измождённый, чтобы даже подумать о видении в зеркале. Сил хватало только на то, чтобы рухнуть на грязный соломенный тюфяк и уснуть.

Уилл не жаловался. Креншоу всё ещё был в деле. Уилл хотел эту работу. Даже с заниженным заработком трудиться в доках лучше, чем копаться в мусоре. Хотя при приезде в Лондон приходилось перебиваться и такой скудной добычей. А иногда даже выпрашивать объедки. Спустя несколько дней Уилл научился собирать обгоревшие окурки сигар, высушивать их и продавать докерам табак для трубок. Они-то и рассказали, что в доках любой может получить чёрную работу, если только готов работать как следует.

Уилл закинул в кучу последний мешок ячменя. К тому моменту многие ушли — колокол уже прозвенел. Выдался изнурительный день работы в двойном темпе без перерывов, чтобы наверстать упущенное, так как баржа пришла слишком поздно.

¹ Кабестан — вид лебёдки, механизм для передвижения тяжёлых грузов. Представляет собой вертикальный ворот. При вращении цепь или канат наматывается на вертикальный вал.

Солнце уже садилось, на берегу осталось мало людей, и последние из них как раз заканчивали работу.

Требовалось только отметить у бригадира, и вечер свободен. Можно отправиться на главную улицу, где собирались продавцы еды, предлагая рабочим перекусить по разумной цене. Уилл трудился допоздна и, скорее всего, уже пропустил свою порцию горохового супа, но у него ещё оставалась последняя монетка, чтобы купить горячий картофель в мундире — как раз достаточно, чтобы заправиться до завтра.

— Бригадир вон там, — Мёрфи указал подбородком вперёд, вверх по течению.

Уилл бросился туда, чтобы успеть перехватить бригадира прежде, чем тот уйдёт. Юноша повернул за угол, попрощавшись с Беккетом и последними рабочими, которые уже побрели в сторону кабака. Он шагал вдоль берега; под ногами хрустела галька. Вдалеке продавец каштанов зазывал докеров купить его товар. Бородатое лицо мужчины казалось багровым в отблесках огня, мерцавшего сквозь щели на дне печки.

Только теперь, дойдя до пустой пристани, Уилл огляделся и понял, где оказался.

Уже почти стемнело. На улицах зажигали масляные лампы с едва трепетавшим пламенем, но на причале никого не было. Лишь доносился плеск чёрной воды и далёкие сигналы дренажной лодки, которая медленно скользила по каналу к реке и вылавливала всё, что можно найти. На пристани ни души...

...за исключением троих мужчин у старой верейки¹, полускрытой тёмным настилом.

Уилл не мог сказать, в какой момент ощутил острую тревогу, или что именно ее вызвало. Бригадир исчез. Вокруг не было никого, кто мог бы услышать крик о помощи. Трое мужчин вылезли из лодки.

Один из них посмотрел вверх — прямо на Уилла.

«Они нашли меня».

Юноша понял это сразу, увидев целеустремлённые взгляды незнакомцев. Они вылезли из верейки и разошлись в стороны, чтобы преградить ему путь.

¹ Верейка — небольшая узкая лодка, традиционно использовавшаяся в Англии для перевозки пассажиров через реку или канал.

Сердце ушло в пятки.

Как? Почему они здесь? Чем он выдал себя? Уилл всегда держался особняком, прятал глаза и носил перчатки без пальцев, чтобы скрыть шрам на правой ладони. Иногда приходилось тереть его, чтобы пальцы оставались подвижными, но беглец делал это осторожно, чтобы никто не увидел. По опыту он знал, что даже самые незаметные жесты могут выдать его.

Может, на этот раз виноваты сами перчатки? А может, Уилл просто проявил беспечность: неприметный мальчишка в доках оказался не таким неприметным, как он рассчитывал.

Юноша отступил на шаг.

Деваться было некуда. За спиной раздался шум: ещё две незнакомые призрачные фигуры преграждали путь. Они двигались слаженно, расходясь в стороны, чтобы пресечь попытку к бегству.

Все это уже стало знакомым до тошноты. Часть его новой жизни, как и воспоминания о моменте, когда Уилл увидел мать лежащей на залитой кровью земле. Как и необходимость месяцами скрываться, не понимая, почему её убили и чего теперь хотят от него. Он помнил последнее слово, сказанное ему матерью:

«Беги».

Уилл припустил к единственному выходу, который видел: слева от склада громоздились ящики. Прыгнув на один из них, юноша с отчаянием подтянулся. Кто-то схватил его за лодыжку, но он предпочёл не обращать внимания. Предпочёл не обращать внимания на дрожь и на то, как в панике колотилось сердце. Недавнее горе уже не затмевало разум. Уилл уже не был так наивен, как в те первые ночи, когда ещё не знал, куда бежать, где спрятаться, как избегать дорог или что случится, если он позволит себе довериться кому-то.

«Беги».

Юноша приземлился в грязи с другой стороны. Нет времени расслаиваться. Нет времени сориентироваться. Нет времени оглядываться.

Он поднялся и побежал.

«Зачем? Зачем они меня преследуют?»

Шлёпая по мокрой грязной улице, Уилл слышал позади мужские крики. Пошёл дождь, и он бежал вслепую, сквозь сы-

рую темноту, поскользываясь на влажных булыжниках. Вскоре одежда насквозь промокла и бежать стало труднее. Дыхание перехватывало.

Уилл хорошо ориентировался в лабиринте припортовых переулков, которые постоянно строились и перестраивались — хаос из строительных лесов, новых зданий и новых дорог. Он побежал туда, надеясь оторваться от преследователей или сбить их с толку, спрятаться, чтобы те пробежали мимо. Уилл нырял и петлял между досками и подпорками, пока не услышал, как мужчины замедлили шаг и разошлись, пытаясь найти беглеца.

«Нельзя дать им понять, что я здесь».

Очень тихо Уилл проскользнул между подпорками и оказался за строительными лесами, которые, точно лестница, вели в наполовину готовое здание.

Чья-то рука схватила юношу за плечо, потом сжала локоть. Чужое горячее дыхание обдало ухо.

«Нет...»

Сердце бешено колотилось. Уилл отчаянно рванулся вперёд, но перестал дышать, когда влажная ладонь зажала ему рот...

— Стой, — едва различимый из-за дождя голос мужчины заставлял стыть в жилах кровь. — Стой. Я не один из них.

Уилл едва разобрал слова и приглушённо замычал под тяжёлой ладонью чужака. «Они здесь. Они здесь. Они поймали меня...»

— Стой, — сказал мужчина. — Уилл, ты меня не узнаёшь?

«Мэтью?» — едва не выпалил он, узнав голос в ту секунду, когда услышал своё имя.

Силуэт одного из преследователей с реки стал чётче. Уилл понял, что раньше видел этого человека, и замер, не веря своим глазам. Мужчина медленно отнял руку от его рта. Полускрытый пеленой дождя рядом стоял Мэтью Оуэнс — мамин слуга, работавший в их старом доме в Лондоне. Их первый дом, их первая жизнь... А потом они стали переезжать с места на место, чем неприметнее и запущеннее, тем лучше. Мама никогда не объясняла почему, но всё больше тревожилась, опасалась незнакомцев и пристально следила за дорогой.

— Нужно вести себя тихо, — чуть слышно сказал Мэтью. — Они всё ещё там.

— Ты с ними заодно, — бросил обвинение Уилл. — Я видел тебя у реки.

Уже много лет он не встречал Мэтью, а теперь их старый слуга не просто здесь, а преследовал бывшего хозяина от доков или, может, от самого Боухилла...

— Я не один из них, — повторил мужчина. — Они только так думают. Твоя мать послала меня.

И снова его охватил страх. «Моя мать погибла... — Вслух Уилл этого не сказал, глядя на седые волосы Мэтью, на его голубые глаза. Этот человек был до боли знакомым, и рядом с ним Уилл поймал себя на совершенно детском желании очутиться в безопасности — сродни желанию услышать утешение родителей, когда поранишь руку. Юноша хотел, чтобы Мэтью рассказал, что же происходит, но детское узнавание наталкивалось на холодную реальность жизни в бегах. — Мы знакомы, но это не значит, что я могу ему доверять».

— Они идут по твоему следу, Уилл. Нигде в Лондоне ты больше не будешь в безопасности, — тихий голос Мэтью звучал настойчиво в темноте под строительными лесами. — Ты должен пойти к Хранителям. Яркая звезда по-прежнему сияет, даже когда восходит тьма. Но поторопись, иначе враги найдут тебя и мгла поглотит всех нас.

— Я не понимаю, — сказал Уилл. Слова Мэтью казались полной бессмыслицей. Что за Хранители? Яркая звезда? — Кто эти люди? Почему они преследуют меня?

Старый слуга вынул из кармана жилета какой-то предмет с таким видом, словно делал нечто чрезвычайно важное, и протянул юноше.

— Возьми. Он принадлежал твоей матери.

«Моей матери?» Страх внутри боролся с желанием, почти болезненным, взять этот предмет. Перед глазами возникло отчётливое воспоминание о тех ужасных последних мгновениях, когда мать смотрела на сына снизу вверх и кровь заливала её синее платье.

«Беги».

— Покажи это Хранителям. Они знают, что делать. Только они и знают. Обещаю, они ответят на все твои вопросы. Но времени мало. Я должен вернуться до того, как меня хватятся.

Снова это незнакомое слово. *Хранители.*

Мэтью положил предмет на одну из досок и отступил, словно прекрасно понимал, что Уилл не возьмёт его, пока Оуэнс ещё здесь. Юноша крепко ухватился за леса, больше всего желая последовать за этим человеком, чьи седые волосы и заношенный чёрный атласный жилет были до боли знакомы.

Мэтью развернулся, уже собираясь уходить, но вдруг остановился и обернулся.

— Я сделаю всё, что смогу, чтобы сбить злодеев со следа. Я обещал твоей матери, что помогу тебе изнутри. И сдержу слово.

А потом Мэтью поспешил прочь, обратно к реке.

Звук шагов стих, и Уилл остался один. Сердце колотилось как бешеное. Постепенно удалились и крики других мужчин, продолжавших поиски. Оставленный Мэтью предмет так и притягивал внимание. Юноша чувствовал себя диким зверем, который рассматривал наживку в ловушке.

Уилл так хотел воскликнуть вслед Мэтью: «Подожди! Кто они? Что ты знаешь о моей матери?»

Но он просто всматривался в пелену дождя в том месте, где скрылся Оуэнс, а потом перевёл взгляд на маленький свёрток, лежавший на строительных лесах. Бывший слуга велел торопиться, но Уилл мог думать только об этом предмете.

Неужели мама правда передала это для него?

Уилл шагнул вперёд — его буквально тянуло к загадочному предмету. Он почти ждал, что это окажется ловушкой, что те мужчины из доков бросятся на него.

Свёрток оказался маленьким, круглым, завёрнутым в отрез кожи. «Покажи это Хранителям», — велел Мэтью, но юноша не знал ни кто такие эти Хранители, ни где их искать.

Уилл протянул руку, опасаясь, что преследователи настигнут его в любой момент, и взял свёрток онемевшими от холода пальцами. Внутри оказался потёртый кусок металла. Юноша так озяб, что едва нащупал зубчатые края, и тут же почувствовал неожиданную тяжесть предмета, словно отлитого из золота или свинца. Уилл поднёс его к свету... и вздрогнул.

Это был старый сломанный медальон, округлый, изогнутый.

Уилл узнал его, так как уже видел раньше.

В зеркале.

Голова пошла кругом. Невозможно! Та женщина из отражения носила точно такой же медальон. Уилл вспомнил сияние, когда леди шла к нему, смотрела на него так, словно хорошо знала его. Её медальон был отлит в форме цветка боярышника с пятью лепестками и блестел, как золотой.

Но теперь его поверхность стала тусклой, потрескавшейся, неровной, будто прошло много лет. Будто его похоронили, а потом раскопали, уже потёртый, сломанный.

Но ведь женщина в зеркале была всего лишь миражом, игрой света...

Перевернув медальон, Уилл увидел выгравированные буквы. Языка он не знал, и все же каким-то образом понимал слова. Казалось, они часть его самого, словно поднялись откуда-то из глубины, а наречие вырезано на его костях, на кончике языка.



*Когда придёт время для новой битвы, я не смогу сражаться.
Потому у меня будет дитя.*

Уилл сам не понимал почему, но его начало трясти. Слова на странном наречии горели в сознании. По уму он не мог прочесть их, и всё же прочёл — почувствовал их смысл. Перед глазами вновь встал образ женщины в зеркале. Казалось, она смотрела прямо на Уилла. Мамиными глазами... Всё вокруг словно исчезло, и он видел только ту леди. Они не сводили взглядов друг с друга, и внутри нарастала боль узнавания. Незнакомка будто обращалась именно к нему, говоря: *«Когда придёт время для новой битвы, я не смогу сражаться. Потому у меня будет дитя...»*

Уилла затрясло ещё сильнее.

— Хватит, — выдохнул он и схватил медальон, изо всех сил стараясь прогнать видение. — Хватит!

И всё прекратилось.

Уилл судорожно вздохнул. Он был один. С волос стекала вода. Кепи и одежда промокли насквозь.

Как и зеркало тогда, медальон снова стал обычным. Просто старинная вещица, ни намёка на только что увиденное.

Уилл посмотрел туда, где скрылся Мэтью, и сжал подвеску так сильно, что края впивались в кожу.

Что же это такое? Что именно Мэтью передал ему?

Улицы были пусты. Никто не слышал неосторожный возглас, когда видение захватило Уилла. Те, кто разыскивал его, ушли. У него появился шанс сбежать!

Но ему требовались ответы — о медальоне, о той женщине, о людях, которые преследовали его.

Он должен узнать причины случившегося. Он должен узнать, почему эти люди убили его мать.

Повесив шнурок с медальоном на шею, юноша побежал назад сквозь дождь. Ноги хлопали по грязи. Он должен найти Мэтью. Должен узнать, *что* Мэтью не успел рассказать.

Улицы проплывали мимо. Глаза женщины из зеркала горели в памяти.

Когда Уилл наконец остановился, тяжело дыша, то увидел, что вернулся практически к самому складу.

Мэтью сидел на скамье на улице в паре кварталов от реки. Здесь освещение оказалось лучше, и Уилл разглядел ботинки с пряжками и гофрированные штаны, белую рубашу и чёрный жилет бывшего слуги.

Накопилось столько вопросов, даже неясно, с чего начать.

Уилл закрыл глаза и выдохнул.

— Прощу. Ты принёс мне медальон. Я должен знать, что это за вещь. Хранители... кто они? Как мне найти их? И эти люди... Я не понимаю, почему эти люди преследуют меня и почему убили мою мать... Я не понимаю, что мне делать дальше.

Тишина. Уилл выпалил всё это на одном дыхании. И сейчас, когда молчание затягивалось, он почувствовал, что жажда получить ответы начала превращаться в тёмный страх.

— Мэтью? — тихо позвал юноша.

Но уже понял. *Понял.*

Казалось странным, что Мэтью сидел снаружи под усилившимся ливнем без куртки и даже не пытался найти укрытие.

Руки мужчины висели плетьюми. Мокрая одежда прилипла к телу. Вода стекала с неподвижных пальцев. Дождь хлестал по лицу, ручейками струился в открытый рот, по мёртвым открытым глазам.

Значит, они здесь...

Уилл бросился вперёд — не по дороге, а в сторону, к одной из дверей, в отчаянной надежде, что сможет предупредить хозяина или пробраться внутрь. Первый удар настиг беглеца у внешних ворот. Прежде чем он сумел добраться до здания, чья-то ладонь опустилась Уиллу на плечо, а другая стиснула шею.

Он видел волоски на руке мужчины, чувствовал его горячее дыхание на коже. Впервые за эту ночь преследователи оказались так близко. Их лица выглядели незнакомыми, но на внутренней стороне запястья мужчины, который схватил Уилла, была выжжена буква «С».

Он ощутил нараставший ужас, потому что уже видел эту «С» раньше, в Боухилле. Точно такая же красовалась на запястьях убийц, отнявших жизнь мамы. Когда юноша не мог уснуть, эта буква стояла перед глазами, а когда погружался в сон — преследовала и там. От неё исходило что-то древнее, тёмное, словно некое древнее зло. И сейчас казалось, что она извивалась под кожей захватчика, раздвигая кожу, выползая к Уиллу...

Всё, чему он научился за девять месяцев в бегах, исчезло. Он будто снова очутился в Боухилле, снова, спотыкаясь, мчался прочь от дома, прочь от преследователей. В ту ночь из-за дождя, заливавшего глаза, не было видно ни зги. Так легко оступиться, упасть, карабкаясь по берегу, пробираясь через канавы. Уилл не знал, сколько времени бежал, пока не рухнул наземь, дрожащий, вымокший. Ему хотелось к маме, пусть это и казалось глупым. Но её убили. Он не мог вернуться к ней, потому что дал обещание.

«Беги».

На миг показалось, что буква «С» тянется к Уиллу откуда-то из глубокой пропасти.

«Беги».

Его с силой толкнули на мокрую бульжную мостовую, а когда он попытался подняться, опираясь на локоть, то задохнулся от боли в плече: рука подвела. Уилла быстро скрутили, хотя он сопротивлялся изо всех сил.

До той ночи в Боухилле юноше никогда не приходилось драться, да он особенно и не умел. Теперь один из захватчиков удерживал пленника и методично бил, пока тот не упал навзничь, судорожно хватая ртом воздух.

— Хорошо тебе жилось, да? — Мужчина коротко пнул Уилла. — Маленький сынок прятался за мамкину юбку. Но теперь с этим покончено.

Юноша пошевелился, но его били ногами, снова и снова, пока перед глазами не потемнело и он не замер.

— Свяжите его. Закончим здесь, потом оттащим на корабль Саймона.

ГЛАВА 3

— Держись отсюда подальше, крыса. Кто-то грубо оттолкнул Вайолет, заслонив происходящее на палубе. Её толкали и отпихивали, и девушка вытянула шею, чтобы разглядеть хоть что-то. Почти ничего не было видно, кроме широких плеч моряков и их тел, пропахших морской водой, потом и предвкушением, поэтому Вайолет вскарабкалась по такелажу¹ и зацепилась за завязанный узлом канат, чтобы удержаться. На палубе она разглядела Тома, окружённого толпой моряков в кепи и банданах.

Был четверг, и корабль Саймона «Охотник», отягощённый грузом, встал на якорь на переполненной судами реке. На главной мачте реял флаг с тремя чёрными гончими — гербом владельца. Вайолет не сумела бы пробраться на борт, но она хорошо знала корабль, потому что её семья ужасно гордилась тем, что выполняла кое-какую работу для Саймона, старшего сына графа Синклера. Этот мужчина носил собственный титул: лорд Креншоу. Он руководил процветающей торговой империей от имени своего отца и, по слухам, имел влияния больше, чем сам король Георг, причём по всему земному шару. Однажды Вайолет даже мельком удалось взглянуть на Саймона — могучего мужчину в роскошном чёрном камзоле.

Сегодня леера² охраняли матросы с пистолетами, пока другие перегородили причал. Но все остальные столпились на квартердеке³, и погрузочные работы прекратились. Со своего

¹ Такелаж — общее название всех корабельных снастей, в данном случае — канатов.

² Бортовые леера — здесь: ограждения на верхней палубе.

³ Квартердек — приподнятая кормовая часть верхней палубы корабля.

места высоко наверху Вайолет видела, как напряжены люди, которые стояли в тесном круге. Все эти суровые мужчины собрались, чтобы засвидетельствовать одно событие.

Том удостоится клейма.

Раздетый до пояса, с непокрытой головой и тёмно-рыжими волосами, падавшими на лицо, юноша опустил на колени на доски палубы. Его голая грудь поднималась и опадала — он прерывисто дышал, предвкушая то, что вот-вот произойдёт.

Собравшиеся напряжённо ждали, немного завидуя, но зная, что Том заслужил эту честь. Пара мужчин прикладывались к флягам с виски, словно сейчас это было нужно им, а не Тому. Вайолет их понимала. Все они будто стали частью этой церемонии, своего рода обещания: «Будь полезен Саймону, сделай так, чтоб он остался доволен тобой, и получишь вот что».

Моряк в кожаном фартуке, как у кузнеца, шагнул вперёд.

— Не надо меня удерживать, — сказал Том.

Он отказался от всего того, что помогло бы ему лучше перенести боль: от выпивки, от повязки на глаза, от кожаного валика в зубы, а просто опустил на колени и ждал. Напряжение нарастало.

Девятнадцатилетний юноша стал самым молодым из тех, кто заработал клеймо. Наблюдая, Вайолет поклялась себе: «Вскоре самой молодой из них стану я». Как Том, она преуспеет в торговле, принесёт Саймону добытые ею трофеи и тоже заслужит повышения. Она собиралась проявить себя при первой же возможности.

— Приготовься принять дар, — сказал капитан Максвелл и кивнул матросу. Тот подошёл к жаровне с раскалёнными углями, которую вынесли на палубу. — После церемонии ты будешь принадлежать Саймону. Носить его клеймо — большая честь.

Моряк вытащил калёное железное тавро из горячих углей: длинное, как кочерга, но с буквой «С» на конце. Оно так раскалилось на углях, что светилось красным, словно трепещущее пламя.

Вайолет напряглась, словно всё это происходило с ней.

Моряк шагнул вперёд.

Том произнёс ритуальные слова:

— Я приношу Саймону этот обет быть преданным слугой, подчиняться и выполнять все приказы. Заклейми меня, — он

смотрел прямо на моряка, голубые глаза сверкали решимостью. — Скрепи мою клятву печатью на плоти.

Вайолет затаила дыхание. Вот оно. Те, кто носил клеймо, входили в ближайший круг. Любимцы Саймона, его самые преданные последователи, по слухам, получали особые награды, а самое главное — внимание его, что само по себе служило наградой для многих из них. Хорст Максвелл, капитан «Охотника», носил клеймо, и это давало ему власть даже бóльшую, чем сама должность.

Том протянул руку так, что все видели чистую кожу на его запястье.

Только однажды Вайолет видела, как мужчину клеймили, и он кричал, бился, точно рыба на дне лодки. Том тоже это видел, но сейчас он решительно смотрел в глаза моряку и даже не дёрнулся, а всё благодаря своей воле и храбрости.

Капитан Максвелл произнёс:

— Вот так, мальчик. Прими клеймо достойно.

«Том не закричит, — подумала Вайолет. — Он силён».

Теперь стало так тихо, что слышалось, как волны плещутся о борта судна. Моряк поднял тавро. Один из мужчин отвернулся, не желая смотреть — этот явно не такой храбрец, как Том. А доказать, что он достоин клейма, сейчас предстояло именно Тому. «Прими его, покажи, что ты достоин». Вайолет крепко стиснула канат, но не отвела взгляда, когда моряк приложил раскалённое железо к запястью юноши.

Резкий запах горелой плоти оказался ужасен — как запах жареного мяса. Казалось, раскалённый металл давил на руку дольше необходимого. Каждый мускул Тома напрягся от боли, когда отчаянно хотелось свернуться клубком, но он не сделал этого, а остался стоять на коленях, тяжело дыша, дрожа, как измождённая забегом лошадь.

В воздух взметнулся одобрительный рёв. Моряк помог Тому встать и поднял его руку, чтобы все могли увидеть его запястье. Юноша выглядел ошеломлённым и чуть пошатывался. Вайолет мельком заметила на коже вытравленную букву «С», после чего моряк быстро залил клеймо спиртом и замотал тканью.

«Вот и у меня будет так же, — подумала Вайолет. — Я буду смелой, как Том».

Она потеряла его из виду — толпа закрыла его, товарищи спешили поздравить. Вайолет снова вытянула шею, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь. Затем скользнула вниз по канатам и попыталась протиснуться сквозь толпу, несмотря на толчки и удары. Увы, не удалось даже на секунду рассмотреть Тома, хотя тошнотворный запах горелой плоти всё ещё витал в воздухе. Кто-то больно схватил девушку за руку и дёрнул в сторону.

— Я же сказал, держись подальше, крыса!

Из-под банданы мужчины выбивались длинные засаленные волосы. Короткая борода покрывала щёки, точно сыпь. На грубой коже бывалого моряка тонкой сеточкой проступали сосуды. Хватка оказалась крепкой, болезненной. Вайолет окатило волной отвратительного перегара, и она попыталась оттолкнуть мужчину, упираясь в доски палубы.

— Отпусти! Я имею право здесь находиться!

— Ты уродливая коричневая крыса, укравшая чью-то хорошую одежду.

— Неправда! — возмутилась она, хотя в самом деле носила жилет и штаны Тома, а ещё его рубашку и башмаки, из которых он уже вырос.

В следующий миг ситуация стала ещё более унижительной.

— В чём дело? — раздался знакомый голос.

Том уже успел надеть рубашку, но две пуговицы на стоячем воротнике остались растёгнуты, а оборки на вороте — не завязаны. Вайолет хорошо видела его, поскольку люди между ними расступились, и теперь все смотрели прямо на моряка, который держал Вайолет за шкирку.

— Этот мальчишка замышляет неприятности...

Лицо Тома всё ещё блестело от пота после клеймения.

— Это не мальчишка, — сказал он. — Это — моя сестра Вайолет.

Она увидела, как при этих словах моряк изменился в лице. Так же реагировали и все остальные — сперва недоверчиво, потом как-то странно смотрели на Тома, словно узнали что-то новое о его отце.

— Но она...

— Ты ставишь мои слова под сомнение, матрос? — Даже только получив клеймо, Том имел больше власти, чем кто-либо

на этом корабле. Теперь он стал представителем самого Саймона, и его слово было словом самого Саймона.

Моряк захлопнул рот, сразу же отпустив Вайолет, которая споткнулась о доску и с горящими щеками подняла взгляд на Тома.

— Я всё могу объяснить...

В Лондоне никто не догадывался об их родстве из-за совершенно разной внешности. Том был на три года старше. Не имея индийской крови сестры, он выглядел точно так же, как их отец: высокий, широкоплечий и голубоглазый, с бледной кожей и каштановыми волосами. Вайолет же пошла в мать худощавостью, смуглой кожей, тёмными глазами и длинными тёмными ресницами. Единственное, что у них было общего — это веснушки.

— Вайолет, что ты здесь делаешь? Ты же должна сидеть дома.

— Ты принял клеймо, — проговорила она. — Отец будет гордиться.

Том инстинктивно схватился за руку над повязкой, словно хотел потрогать рану, но понимал, что нельзя.

— Откуда ты знаешь?

— Всем в доках об этом известно, — ответила Вайолет. — Говорят, Саймон клеймит лучших, даёт им особые награды, и их влияние в рядах его людей растёт...

Том проигнорировал слова единокровной сестры и заговорил тихо и настойчиво, при этом напряжённо и озабоченно озираясь вокруг:

— Я велел тебе не приходить сюда. Ты должна покинуть корабль.

Вайолет тоже огляделась.

— Ты теперь присоединишься к торговой экспедиции Саймона, да? Он назначит тебя главным на раскопках?

— Довольно, — сказал Том, и его лицо стало непроницаемым. — Мать права. Ты уже слишком взрослая для всего этого. Ходишь за мной везде. Носишь мою одежду. Ступай домой.

«Мать права». Эти слова причинили боль. Англичане обычно не привозили из-за границы своих внебрачных дочерей обратно на родину. Вайолет знала это из ссор между их отцом и матерью Тома. Но брат всегда заступался за неё. Он трепал

её по волосам и говорил: «Вайолет, пойдём погуляем», а потом водил к уличному торговцу, чтобы купить горячего чая и рогалик со смородиной, в то время как дома жена отца кричала: «Почему эта девчонка живёт с нами? Чтобы унижить меня? Сделать меня посмешищем?»

— Но ты же сам дал мне эту одежду, — тихо проговорила девушка.

— Вайолет... — начал Том.

Позже она поняла, что были и другие тревожные знаки: люди на пирсе, напряжённые взгляды моряков, патрули с пистолетами и даже то, как плотно сжал губы брат. Единственным сигналом к началу событий послужило то, как Том резко вскинул голову.

От внезапного толчка содрогнулся весь корабль, и Вайолет отбросило в сторону. Она услышала выстрел, обернулась и увидела моряка, который дрожащими руками сжимал пистолет.

А потом увидела, куда он стрелял.

На борт корабля, цепляясь за верёвки и доски, хлынули мужчины и женщины, облачённые в белые одежды со знаком звезды. Их лица выглядели благородными, словно у героев старинных книг. Внешность у незнакомцев была самая непохожая, будто все они явились из разных стран. Казалось, нападавшие, вооруженные мечами, как рыцари, возникли из тумана.

Вайолет никогда не видела ничего подобного — словно легенды вдруг воплотились.

— Хранители!

Чей-то крик вырвал её из задумчивости, и разразился настоящий хаос. Незнакомое слово разлетелось, распространилось словно лесной пожар. «Хранители?» — подумала Вайолет. Это старинное прозвище звенело в её разуме.

Капитан Максвелл и Том, казалось, прекрасно знали, с кем имеют дело, но большинство людей Саймона просто побежали за оружием или уже вытаскивали пистолеты, стреляя в нападавших. Палуба наполнилась густым дымом и удушающим запахом серы и селитры от ружей.

Вайолет отбросило назад, и она едва различала что-то в общей суматохе. Трое нападавших — Хранители — сражались у башприта. Ближайший к Вайолет мужчина с удивительной лёгкостью перепрыгнул через леер. Другой совершил невоз-

можно: одной рукой отбросил контейнеры, которые весили полтонны!

«Как же они сильны», — изумлённо подумала Вайолет.

Эти Хранители в белых одеждах с символом звезды обладали просто удивительной, неестественной силой и скоростью. Нападавшие с лёгкостью уклонились от первого залпа выстрелов и начали драться. Люди Саймона кричали в дыму, когда Хранители врезались в их ряды, выкашивая...

Вайолет почувствовала руку Тома на плече.

— Я отрежу им путь здесь, — его голос звучал твёрдо. Ты нужна мне в трюме. Защити груз Саймона.

— Том, что происходит? Кто это?..

— В трюм, Вайолет. Сейчас же.

Мечи. «Но никто ими уже не дерётся», — подумала девушка, ошарашенно наблюдая, как Хранитель с высокими скулами хладнокровно разрубил боцмана корабля, а воительница с золотистыми локонами вонзила свой клинок в грудь какого-то матроса с ружьём.

— Найдите Маркуса! — велела светловолосая Хранительница, и остальные нападавшие рассредоточились, подчиняясь приказу.

Том вышел им навстречу.

Вайолет нужно было спуститься в трюм. На палубе царил настоящий хаос, и бой становился всё ближе. Но она замерла как вкопанная.

— Лев Саймона, — прокомментировала светловолосая Хранительница.

— Всего лишь лвьёнок, — возразил воин рядом с ней.

«Лев?» — подумала Вайолет. Странное слово отозвалось в ней эхом, пусть она и понимала, что речь шла о её брате.

— Раз вам известно, что мы захватили Маркуса, вы должны знать, что уязвимы.

— Думаешь, один Лев может остановить десяток Хранителей? — рассмеялась светловолосая предводительница.

— Один Лев убил сотню таких, как ты, — ответил Том.

— Но ты не таков, как Львы древности. Ты слаб.

Меч Хранительницы взлетел, описав серебряную арку. Так быстро — невероятно быстро! Вайолет успела увидеть лишь изумление на лице противницы, когда Том выбил кли-

нок из её руки и вонзил в грудь грубый железный штырь. Затем выдернул импровизированное оружие и повернулся к остальным.

Том не был слаб. Он был силён. Очень силён. Всегда.

Вайолет уставилась на единокровного брата. На его лице виднелась кровь. Красные капли стекали по металлическому штырю и белой рубашке. Вьющиеся каштановые волосы и правда делали Тома похожим на льва.

Он коротко посмотрел на сестру.

— Ступай, Вайолет. Я пойду следом, как только смогу.

Девушка слепо кивнула, отступила и поползла назад, а потом, пригнувшись, побежала по настилу. Корабль снова трянуло словно от удара. Снасти раскачивались над головой. По палубе прокатилась бочка. Снова зазвучали выстрелы, и Вайолет закрыла лицо рукавом, чтобы не задохнуться от дыма. Она поскользнулась на крови, успела увидеть, как капитан Максвелл заряжал пистолет, и тут же поспешно отскочила в сторону, чтобы не натолкнуться на трёх людей Саймона, сражавшихся с одним из Хранителей. Наконец девушка прошла сквозь дым и оказалась в трюме.

Когда люк закрылся, она вздохнула с облегчением — внизу никого не было. Крики и приглушённый грохот выстрелов, которые доносились с верхней палубы, стали тише.

Похожее ощущение возникало, когда отец запирался вместе с Томом в кабинете, а Вайолет оставалась снаружи. Чтобы отогнать это чувство, она погрузилась в размышления. Брат называл нападавших Хранителями, а они его — Львом. Это слово стучало в висках. Вспомнился момент из детства, когда ещё маленький Том пальцами согнул пополам медный фартинг и сказал Вайолет: «Смотри, какой я сильный. Только никому об этом не говори». Это стало их общим секретом. Эта особенность делала вроде бы обыкновенного парня похожим на Хранителей. Могучим и потусторонним. *Львом*.

Раз за разом Вайолет прокручивала в голове момент, когда Том убил светловолосую предводительницу. Алая кровь на железном стержне.

Не верилось, что брат вообще способен кого-то убить.

Руки у девушки всё ещё тряслись. Глупости! В закрытом трюме она оказалась в большей безопасности, чем кто-либо

на корабле. Вайолет сжала кулаки, чтобы остановить дрожь. Это слегка помогло.

Требовалось достать оружие.

Трюм «Охотника» казался огромным и был наполнен ящиками, бочками и контейнерами до самой задней части корабля. Вдоль трапа шли толстые перекладки. Длинный ряд ламп, свисающих с крючьев над головой, исчезал в темноте впереди словно в пещере. Вдалеке Вайолет могла различить только смутные силуэты, сложенные холсты и огромные деревянные лари.

Всё это и являлось грузом Саймона, частью постоянного потока товаров, которые он привозил из своих путешествий. Говорили, что благодаря доходам с продаж купец мог приобрести все те необычные предметы, которые коллекционировал, собирая со всего света. Том добыл одну из таких диковин — что-то невероятно редкое, ценное, — за что его и вознаградили клеймом. Вайолет оставалось только догадываться, что за странные вещи скрывались в ящиках. По телу пробежала тревожная дрожь, говорившая, что не следовало спускаться сюда. Словно здесь находилось что-то такое, что не следовало беспокоить.

Девушка сошла с последней ступеньки. Тускло светили лампы, и даже не верилось, что снаружи сейчас солнечно. По обе стороны от Вайолет возвышались ящики. В полумраке мелькающие тени превращались в непонятные фигуры, которые то разрастались, то съезжались. Несмотря на блики света, в трюме стоял холод, как в речной воде. «Охотник» и без того не мог похвастаться высокой осадкой, а нагруженный и вовсе опустился почти вровень с причалом. Теперь на корабль легко можно было подняться по трапу. Вайолет находилась в той части судна, которая скрывалась под поверхностью реки.

Чуть глубже в трюме по щиколотку стояла вода: холодная, с отвратительным сырým запахом канала.

— Кто здесь? — напряжённо спросил чей-то голос.

Рядом раздался всплеск. С бешено стучащим сердцем Вайолет обернулась и увидела, что в темноте трюма прикован цепями юноша лет семнадцати, в рваной рубаше и шароварах.

ГЛАВА 4

Юношу, явно пленника, приковали к толстой балке такими толстыми цепями, что они больше походили на якорные. Бледное лицо под спутанными тёмными волосами покрывали синяки и ссадины, старые и совсем свежие, которые складывались в жёлто-пурпурный узор. Узника избивали, притом не раз. Разорванная на плече куртка потемнела от крови, а распахнутая, покрытая пятнами рубашка не скрывала красные рубцы на груди.

Вайолет смотрела на незнакомца, чувствуя, как наползает холодный ужас. Почему в трюме корабля прикован юноша её лет? Перед мысленным взором снова встала картина: Том вытаскивает из груди противницы окровавленный железный штырь.

— Что происходит?

Юноша с трудом стоял прямо и всем весом опирался на балку. Дыхание звучало хрипло, поверхностно, но пленник явно пытался скрыть, каких усилий ему стоило просто втягивать носом воздух. Так раненый зверь старается не показывать, что ему больно.

— На корабль напали.

— Кто?

Девушка не ответила. Она убеждала себя, что Саймон имел вескую причину держать в трюме мальчишку. Тот, вполне возможно, был вором, мелким преступником или шпионом одного из торговых конкурентов уважаемого купца.

Вайолет убеждала себя, что пленник заслужил такую участь. Несомненно, он очень опасен.

Несмотря на поношенную одежду портового рабочего, юноша совсем не походил на докера. Высокие скулы, решительный

взгляд тёмных глаз, длинные чёрные ресницы делали бы лицо симпатичным, если бы не синяки.

— У тебя нет клейма Саймона, — сказал он.

Вайолет покраснела.

— Могло бы быть, — она поборола порыв схватиться за запястье в том месте, где ставили клеймо. — Если б я захотела.

Девушка покраснела ещё сильнее, понимая, что пленник наблюдал за ней, как и она за ним.

— Меня зовут Уилл, — проговорил он. — Если бы ты помогла мне, я бы...

— У меня нет ключа, — перебила Вайолет. — А если бы и был, то я всё равно не помогла бы тебе. Это корабль Саймона. Он не запер бы тебя здесь, если бы ты не перешёл ему дорогу.

— Он хочет убить меня, — сказал Уилл.

Казалось, время остановилось. Вайолет всё ещё слышала звуки боя, глядя на синяки пленника, на засохшую кровь на его лице и рубашке.

— Саймон не убивает людей, — возразила девушка, но ощутила вдруг, что за этими словами открывается бездна и на самом деле уже ни в чём нельзя быть уверенной.

— Ты могла бы найти ключ, — предложил Уилл. — А я бы ускользнул во время боя. Никто никогда не узнает, что это ты...

— Проверьте здесь каждый дюйм, — раздался мужской голос.

Оба вздрогнули и обернулись на звук.

— Если Маркус здесь, мы найдём его, Джастис, — ответила какая-то женщина.

Уилл понял, что делать, в тот же миг, что и Вайолет.

— Эй! — крикнул он. — Сюда!

— Нет!

Хранители.

Она резко развернулась, чтобы закрыть пленнику рот, но опоздала. Два Хранителя уже показались из-за угла. Впервые Вайолет увидела их так близко, в полном доспехе и белых одеждах с символом серебряной звезды.

Глаза Уилла расширились.

Предводитель оказался высоким и даже более внушительным, чем остальные. Похоже, он был китайцем. Его лицо выражало целеустремлённость и сосредоточенность. Он казался

воплощением справедливости. Рядом с ним шла женщина того же возраста — около двадцати лет. Оба носили белые плащи поверх серебристых доспехов. Причёмски тоже выглядели одинаково: волосы, слишком длинные для мужчин, были собраны в хвост за спиной и завязаны лентой, ниспадая почти до пояса.

Хранители были вооружены клинками — не абордажными саблями, какими до сих пор пользовались бандиты, нападавшие на речные баржи, а двуручными мечами. Таким можно разрубить человека пополам.

Мысли Вайолет устремились к брату. «Том...» Она помнила, как легко Хранители убивали моряков Саймона, рассекая их тела словно масло. И если двое врагов оказались здесь, то что же происходило наверху?

Вайолет схватила метлу и шагнула вперёд, преградив им путь, прежде чем вообще сообразила, что делает.

Сердце колотилось. Хранитель по имени Джастис оказался не просто красив, а излучал силу, благородство, властность. Рядом с ним девушка почувствовала себя маленькой и незначительной, но всё же осталась стоять на месте. «Том был храбрым», — подумала она. Нужно остановить противников хоть ненадолго, чтобы выгадать брату немного времени там, наверху. Вайолет встретилась взглядом с Джастисом.

— Это не Маркус, — прокомментировала Хранительница-французенка, удержав напарника за руку. — Саймон держит здесь пленников. Девушку и юношу. Смотри.

— Если вы выпустите меня, я отдам вам что угодно, — проговорил Уилл.

Джастис посмотрел на него через плечо Вайолет, затем снова на девушку и сказал:

— Мы поможем вам. Вам обоим. Но сейчас на палубе опасно. Лучше останьтесь здесь, пока мы расчистим путь...

— Расчистите путь? — переспросила Вайолет.

«Он считает, что я пленник, как этот скованный юноша...» Она крепче сжала ручку метлы.

— Джастис. Здесь внизу ещё кто-то есть, — французенка отошла в темноту трюма и обернулась со странным выражением лица. — Не пленники... что-то...

— О чём речь? — нахмурился Джастис.

— Не знаю. Ты не чувствуешь? Что-то тёмное, древнее...

Хранитель говорила о том, что ощутила и сама Вайолет, когда только спустилась в трюм: нечто такое, к чему совсем не хотелось приближаться. А сейчас оказалась к нему ещё ближе, чем когда стояла на ступенях.

Вайолет знала, что Саймон привозил артефакты с раскопок по всей империи, а некоторые из них она даже видела, когда удавалось прокрасться за Томом в доки: доспехи в железных сундуках, странные куски камней, отломанную руку статуи. Все торговые операции были связаны с постоянными раскопками и добычей. А что, если странное чувство исходило от того самого предмета, который добыл Том?

— Засим и охранники, — мрачно сказал Джастис. — Они защищают не Маркуса, а что-то, спрятанное на корабле.

С трапа раздался выстрел.

Начался хаос.

— Ложись! — крикнул Джастис, бросаясь между Вайолет и стрелявшим.

Вайолет почувствовала, что его тепло окружает её, что его тело защищает её. Хранитель содрогнулся, застонав от боли сквозь стиснутые зубы, а когда отстранился, на его плече расцвело алое пятно.

Хранитель принял пулю, защищая Вайолет. Она споткнулась о ящик, не в силах отвести взгляд от раны человека, который только что спас ей жизнь.

— Они идут! — предупредила француженка, обнажая клинок.

— Наша стезя — покарать Льва Саймона и забрать с корабля груз, — проронил Джастис и встал рядом с напарницей, выставив меч и не обращая внимания на пулю в плече.

Речь шла о Томе...

У Вайолет не осталось времени отреагировать. Ещё один выстрел снёс половину грузового контейнера. Бой переместился в трюм. Люди Саймона перезаряжали оружие и целились в Хранителей. Другие сражались на ступенях — клубок из тел, звон мечей. Одна из подвесных ламп разбилась, отлетела в сторону и, очертив яркую огненную дугу, упала в лужу. Стало темнее.

Вайолет должна была добраться до брата. Она столкнула контейнер и побежала вперёд, но поняла, что вода уже дохо-

дит до колен. Тёмная воронка закручивалась у ног, вращаясь всё быстрее и быстрее.

«Так быть не должно...»

В трюме всегда было сухо, но сейчас его заливала вода, уровень которой заметно поднялся, уже достигая колена.

Вайолет посмотрела на груз и снова ощутила прикосновение липкого ужаса, словно там скрывалось что-то тёмное, страшное. Взгляд упал на один из контейнеров, в отличие от остальных прикованный цепями. От него и исходила волна отвращения.

Француженка сказала: *«Здесь внизу ещё кто-то есть. Не пленники... что-то тёмное, древнее».*

— Ты не уйдёшь, Хранитель.

Вайолет вздрогнула и обернулась — у входа в трюм стоял Том.

Он жив! Волна облегчения и гордости окатила её. В распахнутой, залитой кровью рубаше, с железным штырём в руке брат казался незнакомцем, но он выиграет этот бой — ради Саймона, ради их семьи.

— Где Маркус? — спросил Джастис.

— Я убил остальных, — вместо ответа сказал Том и начал спускаться по трапу, держа наготове импровизированное оружие.

— Отринь суетное и поведай, что вы сделали с Маркусом, — проговорил Джастис. — Иначе я одолею всех на судне и всё равно его найду.

— Я не дам тебе пройти, — ответил Том.

«Том сильный, — подумала Вайолет. — Том ему покажет».

Но когда противники сошлись в поединке, стало очевидно, что, хотя брат и силён, Джастис ещё сильнее.

Он поднырнул под стальной прут и одним ударом откинул Тома так, что тот по дуге отлетел в недра трюма и врезался в одну из перекладин. Опоры трапа разлетелись, удар разнёс дерево в щепки, и огромные балки рухнули вниз, разбив контейнеры.

А один из них, прикованный, к которому так не хотела подходить Вайолет, высвободился, упал на доски и развалился.

Волна тошнотворного ужаса захлестнула девушку, окатив осознанием, что они только что выпустили в трюм нечто ужасное. Не хотелось оборачиваться и смотреть, что это. Матрос,

стоявший рядом, побледнел, словно исходившая от контейнера тошнотворная энергия затронула его ещё сильнее, и покачнувшись, а в следующий миг кожа мужчины пошла пятнами. Вайолет заставила себя обернуться и взглянуть вокруг.

Люди теряли равновесие, падали в воду, и их рвало.

«Здесь что-то есть... и оно пытается выбраться...»

Из разбитого контейнера выпал меч и теперь лежал на краю. Он выглядел просто, если не считать чёрной рукояти и длинных чёрных резных ножен. От удара наружу на волос выскользнуло чёрное лезвие.

Никогда прежде Вайолет не испытывала ничего подобного тому отвращению, которое захлестнуло её при виде чёрного клинка. Хотелось кричать: «Спрячьте его! Спрячьте обратно в ножны!» Она каким-то образом знала, что этот меч служил источником какой-то ужасной болезни. Зловещее оружие испускало дуги тёмного пламени, которые взрезали корпус корабля и ломали его, впуская новые потоки воды. На глазах Вайолет жуткий огонь задел одного из людей Саймона, и того вырвало чёрной слизью, будто все органы в один миг прогнили.

«Спрячьте его в ножны!»

Но никто не мог приблизиться к нему без риска оказаться поражённым чёрным огнём.

Люди вокруг кричали и пытались добраться до выхода. Паника лишь усилилась, когда чёрное пламя снова вспыхнуло, точно демонические молнии, убивая всех вокруг. Некоторые моряки старались скрыться как можно дальше от меча и прятались за контейнерами, которые всё равно не спасали.

Все Хранители были мертвы. Только Том и Джастис всё ещё сражались, словно два титана. Чёрное пламя обрисовало их силуэты — Джастис поднял Тома над водой, ударил так сильно, что тот содрогнулся, потом снова и снова.

«Том!»

Вода уже доходила до пояса и продолжала подниматься. Вайолет с трудом пробиралась к сражавшимся вброд, пока кошмарное чёрное пламя продолжало гореть. Было очень темно — большинство ламп разбилось. Основная часть груза плавала вокруг словно айсберги.

У Вайолет не было оружия, и она просто бросилась на Джастиса, сбивая их обоих с ног. Острый угол одного из всплыв-

ших контейнеров ударил Хранителя по голове. Он тут же обмяк и рухнул в воду лицом вниз, уже не двигаясь.

Вайолет поспешила к брату.

— Том! — звала она. — Том!

Бледный, без сознания, он всё ещё дышал. Необходимо вытащить его отсюда! «Жив», — думала Вайолет, подхватывая брата на руки. Но надолго ли?

Отчаянно она искала взглядом выход.. и натолкнулась на пленника. На Уилла.

Он держал меч в поле зрения и пытался добраться до него, а не трусливо отступал от пламени, как все остальные. «Он собирается вернуть клинок в ножны», — поняла Вайолет, чувствуя, как кожу покалывает. Эта идея пришла в голову и самой девушке, но показалась невозможной. Её первым инстинктивным желанием было спасти брата. А Уилл собирался спасти их всех.

Юноша двигался решительно, твёрдо, натягивая цепи так, будто противостоял неведомой силе, но он был изранен и слаб. «Он справится», — изумлённо подумала Вайолет, хотя сама мысль о том, чтобы прикоснуться к этому ужасающему оружию, заставила её поморщиться. Как и мысль о том, что может случиться с Уиллом. Взрослые мужчины падали, изрыгая чёрную кровь. Что же случится, если кто-то *дотронется* до меча?

Несмотря на то что цепи натянулись до предела, а всё тело напряглось, кончики пальцев Уилла чуть-чуть не доставали до клинка.

Вайолет не могла приблизиться, но вспомнила тот миг, когда юноша умолял её снять оковы. А она отказалась. И обрекла всех на гибель.

А потом девушка увидела невероятное: меч начал поворачиваться к Уиллу, потом вдруг замер, а в следующий миг оказался в его руке, словно прыгнул на шесть дюймов. Невозможно!

Как только оружие оказалось в ладони, Уилл загнал лезвие обратно в ножны.

Всё замерло, пламя погасло. Ужасная болезнь перестала распространяться. Вайолет жадно хватала ртом воздух. В воцарившейся звенящей тишине особенно отчётливо звучали рыдания перепуганных выживших, шум воды и зловеющий стон корпуса корабля.

Вайолет недоверчиво смотрела на пленника. Он притянул к себе меч, будто невидимой рукой...

Юношу трясло. Он свернулся вокруг зловещего оружия в тугой комок, широко распахнув глаза, полные мучительной внутренней борьбы. Похоже, чтобы удерживать клинок в ножнах, требовались все силы Уилла до последней капли. Только на миг он посмотрел прямо на Вайолет.

— Не могу удержать! — воскликнул он. — Уходи!

Меч сопротивлялся.

— Брось его! — велела Вайолет. — Брось его в реку!

— Не могу! — с болью выдавил Уилл. Он выглядел так, словно уже едва держался. — Выводи людей!

Заглянув в тёмные глаза юноши, она поняла, *что* он имел в виду: пока все покидают судно, Уилл будет сдерживать меч так долго, как только сможет. Так долго, как только придётся.

Вайолет кивнула и обернулась.

— Уходите! — приказала она, грубо толкнув одного из ошеломлённых мужчин, и тот, спотыкаясь, пошёл к трапу.

Разрушенный трюм быстро наполнялся водой. Выход всё ещё был забаррикадирован — трое людей Саймона отчаянно пытались сдвинуть огромную деревянную балку, заклинившую его. Ещё человек шесть, откашливаясь и задыхаясь, брели по пояс в воде, а ещё несколько матросов рядом с Вайолет цеплялись за контейнеры, неотрывно глядя на пленника широко распахнутыми глазами. Остальные погибли. Требовалось срочно вывести выживших.

Удерживая голову Тома над водой, девушка потащила его в сторону выхода, обходя тела погибших, раздутые и обезображенные чёрным пламенем. Смотреть на них не хотелось. Вайолет увидела Хранителя, плывущего лицом вниз, и с ужасом узнала Джастиса — его тёмные волосы ореолом окружали голову.

— Вперёд! У нас нет времени!

Вайолет схватила ближайшего из выживших за рубаху и потащила его вперёд. Остаться в трюме ещё дольше оказалось выше её сил. Да и задерживаться рядом с внушавшим животный ужас мечом не стоило. Следуя за последним из еле ковлявших и насквозь вымокших мужчин, Вайолет подхватила тело Тома и неуклюже потащила его вверх по ступенькам, пока наконец они не оказались на палубе.

Первое прикосновение свежего воздуха к лицу было чудесным — словно солнце вышло из-за облаков после душной, зловонной тьмы сырого трюма. Над головой распахнулось небо, и несколько мгновений Вайолет просто наслаждалась этим чувством.

А потом увидела палубу. Чёрное пламя проникло и сюда. Часть досок и обшивки была разбита, расколота, словно по ней прошлись огненным хлыстом. Люди на берегу кричали, тыкали пальцами. За спиной девушка услышала стон дерева, резко обернулась и успела заметить, как падает мачта — миг, и та уже врезалась в палубу, разрывая снасти и ещё сильнее повреждая обшивку. Корабль накренился.

Вайолет побежала по палубе, клонящейся под её ногами. «Охотник» шёл ко дну. Крики с берега «Хватай верёвку!», «Прыгай!» не могли помочь ей — она ведь тащила на себе бессознательного брата. А потом...

— Том!

Голос капитана Максвелла донёсся со стороны лееров. Почувствовав прилив благодарности, Вайолет поспешила на зов, спотыкаясь на каждом шагу. Спустя несколько минут капитан наконец подхватил Тома и потащил его по импровизированному перекидному мостику к причалу. Девушка шла следом, пока наконец не оказалась на твёрдой земле.

Облегчение казалось таким сильным, что хотелось зарыться пальцами в грязь и береговую гальку, только чтобы увериться в реальности избавления. Что Вайолет справилась. Что она была здесь.

Она упала на колени там же, где Максвелл положил её брата.

— Всё в порядке, он с нами, — слова Максвелла доносились словно издалека. — Давай, парень, давай.

Как раз в этот момент Том закашлялся и начал приходить в себя.

— Вайолет? — хрипло позвал он. — Где Вайолет?

— Она здесь, рядом, — ответил Максвелл и обратился к девушке, хотя его слова доносились словно издалека: — Ты молодец, вытащила его с корабля. Саймон будет доволен, когда узнает, что ты сделала.

«Саймон будет доволен». Разве не этого ей всегда хотелось? Произвести впечатление на Саймона, быть похожей на Тома.

Но сейчас Вайолет просто сидела там, мокрая, измученная, в крови. И понимала, что это ещё не конец.

На берегу сгрудились зеваки. Мужчины и женщины кричали, толпясь вокруг тех, кого вытащили из воды, и смотрели на «Охотника». Со всех сторон раздавались возгласы: «Я видел его. Чёрное пламя!», и шёпот на разных языках: «*Miracolo, merveille*».

— Там был юноша... он взял меч... — произнёс чей-то голос рядом.

Вайолет с изумлением узнала того моряка, который обозвал её крысой и схватил за шкуру. Он спасся, как и остальные. Его фраза всколыхнула воспоминание о пленнике в трюме, о его лице, покрытом синяками. Кто же из всех этих мужчин, которых он спас, избивал его? Уилл спас всех на этом корабле. Только не себя самого...

Вайолет поднялась.

«Охотник» покачивался на воде, не привязанный. Доски перекидного мостика упали, и между корпусом судна и пристанью образовалась пропасть шириной в десять футов. Разрыв увеличивался.

Вайолет уже знала, что делать.

Как же долго она хотела проявить себя, доказать, что чего-то стоит — доказать Тому, отцу, Саймону. Но было что-то поважнее этого.

Вайолет посмотрела на корабль, разбежалась и прыгнула.

И будто попала в ад сразу после того, как оттуда удалось вырваться. Пустой и обезлюдевший «Охотник» опасно стонал, мачты были сломаны, палуба — расколота, а доски разбитой обшивки торчали во все стороны. Вокруг громоздились контейнеры с грузом, часть из них — развалилась. Над палубой висела половина рваного паруса.

Вайолет слотнула, подавляя ужас, и спустилась по трапу в трюм, опасаясь, что сейчас снова увидит чёрное пламя, которое до сих пор ясно вспыхивало перед внутренним взором. Но в наполовину затопленном трюме царил темнота. Вода закручивалась воронками. Вайолет оттолкнулась и отчасти пошла, отчасти поплыла мимо перевёрнутых ящиков, мимо обломков и следов боя.

Уилл, всё ещё прикованный, сидел один в затопленном трюме и тяжело дышал, удерживая голову над водой и все-

ми силами стараясь не показывать свой страх. В руке юноша всё ещё сжимал меч, но Вайолет видела — каким-то образом он заставил ножны удерживать клинок внутри. Должно быть, таким же образом они и удерживали его, прежде чем ящик разбился.

— Можешь отпустить, — сказала она. Костяшки Уилла уже побелели от напряжения. — Отпусти. Пусть пойдёт ко дну вместе с кораблём.

Помедлив пару мгновений, он кивнул и отбросил меч. Вайолет проследила, как клинок, чуть мерцая, погрузился в воду, которая уже доходила до груди. Вскоре трюм полностью затопит, вытеснив воздух, и «Охотник» погрузится на дно. По взгляду пленника становилось понятно: он знал, что спастись не удастся. Цепи надёжно приковали юношу к тонущему кораблю.

— Не надо было тебе возвращаться, — посмотрев на Вайолет тёмными глазами, произнёс Уилл.

— Ты сказал вывести всех, — ответила девушка.

С усилием она проталкивалась через воду, пока не оказалась рядом с юношей. Тяжело дыша, он устало улыбнулся, но на его лице читалось отчаяние.

— У тебя нет ключа, — заметил Уилл.

— Мне не нужен ключ, — ответила Вайолет.

Она нырнула под воду и схватилась за цепи.

Хранители назвали Тома Львом. Никто никогда не догадывался, что они брат и сестра и не только в его жилах течет сила. Вайолет напрягла мышцы.

Дерево раскололось, железо заскрипело и высвободилось. Пленник удивлённо уставился на девушку. Несколько мгновений они просто смотрели друг на друга с изумлением и узнаванием, точно протягивали мостик через пропасть. В следующий миг Вайолет подхватила Уилла, который повалился без сознания ей на руки, и вскинула на плечо. Юноша оказался легче Тома, его было гораздо проще нести. Однако в хрупкой, будто недокормленной, оболочке заключалась сила воли, которая сумела спасти всех на корабле. Лицо пленника осунулось, скулы заострились, а на бледной коже выступали синяки. Вайолет была решительно настроена защитить его и во что бы то ни стало вынести в безопасное место, как бы трудно ни оказалось пробиться к берегу.

— Сюда! — позвал чей-то голос от трапа. Корабль снова содрогнулся, ещё больше накренившись, и весь трюм теперь оказался под наклоном. — Идите сюда!

Вайолет пробиравалась сквозь воду на зов, а в следующий миг узнала, *кто именно* её окликнул, и всё внутри сжалось.

Воротник Хранителя был разорван и залит кровью, а мокрые волосы почти скрывали яркий знак звезды. Но сам мужчина остался в живых. «И вернулся», — поняла вдруг Вайолет, вглядываясь ему в лицо.

Он вернулся, чтобы выполнить обещание — как и она сама.

— Возьми меня за руку, — сказал Джастис.

ГЛАВА 5

— Мисс Кент, — мужчина обратился к Кэтрин напрямую, поскольку её опекуны — тётя и дядя — ещё не вышли из кареты, как и младшая сестра. — Боюсь, обстоятельства задержали лорда Креншоу. В доках произошёл несчастный случай.

— Несчастный случай? — переспросила Кэтрин. — Что же случилось?

Её багаж как раз доставали из кареты.

Сегодня она надела самое красивое платье из белого муслина с кружевом. Анабель, тётушкина горничная, часами пробовала на Кэтрин разные причёски, прежде чем остановилась на одной: золотые локоны ниспадали по обеим сторонам лица, а в волосы была вплетена нежно-розовая лента, чтобы подчеркнуть свежий румянец и яркую синеву глаз.

— Одно из судов моего господина потонуло в Темзе.

— Потонуло! — воскликнула Кэтрин.

Тётушка Хелен услышала эти слова и встревоженно уточнила:

— Надеюсь, с самим лордом всё хорошо?

— Это была грузовая баржа. Мой господин не пострадал. Он просил передать, что бесконечно сожалеет, но не сможет показать вам дом сам.

Дом. Их новый дом, который предоставил им жених Кэтрин, Саймон Крин...

Лорд Креншоу был старшим сыном графа Синклера, наследником титула и целого состояния. Говорили, его отцу принадлежала половина Лондона. А Анабель потом ещё прошептала: «Самая дорогая половина».

— Что вы, мы всё понимаем, — проговорила тётушка Хелен. — Прошу, покажите нам здесь всё.

«Дорогая, ты уверена?» — спрашивала она у Кэтрин в тот день, когда лорд Креншоу сделал девушке предложение. Они сидели на невысокой софе, и тётушка взяла племянницу за руки.

В свои шестнадцать лет Кэтрин ещё не доводилось бывать в высшем обществе, но тётушка и дядюшка устроили несколько небольших визитов в очень уважаемую компанию в надежде улучшить перспективы её замужества. Хоть Кэтрин и была дочерью уважаемого джентльмена, они с сестрой считались сиротами без приданого, и Кэтрин давно знала, что будущее её семьи зависит исключительно от возможности найти хорошую пару. Но шансы молодой девушки, стеснённой обстоятельствами, невелики.

— Эта девушка — редкая красавица, — сказала миссис Эллиот, разглядывая её сквозь линзы пенсне. — Как жаль, что у неё нет ни достойного приданого, ни связей.

Кэтрин помнила первый визит лорда Креншоу — целый вихрь приготовлений, то, как она пощипывала себя за щёки, чтобы те сильнее зарумянились. То, как тётушка завершила её, что всё хорошо и юной девушке в любом случае пока не подбавляет носить украшений. То, как Анабель выглядывала в окно из-за занавески.

— Какая же роскошная карета, — восхищалась горничная. — Блестящее чёрное дерево. Извозчик и два лакея так хорошо одеты. На дверце три чёрных пса — какой же благородный фамильный герб! — а по бокам позолота. — Мэри вздохнула. — А вот и сам господин, уже выходит. О, мисс Кент, он такой красивый!

И теперь, когда Кэтрин препроводили к парадному входу с высокими колоннами, откуда открывался вид на восхитительную террасу, девушка уже знала: ещё ни в одном своём решении она не была настолько же уверена, как в этом. Терраса, элегантный фасад, ровные ряды окон. В таком доме, очевидно, могло жить лишь самое благородное семейство.

За спиной кучер щёлкнул хлыстом, прикрикнув «Хейя!», и карета двинулась к конюшням за домом. Конечно же, хозяйева такого великолепного дома должны иметь собственный экипаж.

В дверях Кэтрин обернулась к их провожатому, мистеру Прескотту, одному из поверенных лорда Креншоу — джент-

льмену с благородным морщинистым лицом и цилиндром поверх седых волос, и спросила его:

— А сам лорд Креншоу когда-нибудь жил здесь?

— Конечно же. Он часто останавливался здесь в юности.

Летом он, разумеется, живёт в Рутерне вместе с отцом. А когда бывает в городе, то снимает дом на площади Сент-Джеймс.

Рутерн был семейным поместьем в Дербишире. Лорд Креншоу описывал зелень холмов, фронтоны и веранды, южный стиль с пешеходными дорожками вдоль озера, по которым так приятно гулять летом. Рутерн затмевал собой любой дом лорда Креншоу в городе, и там хранились бесценные артефакты, которые он привёз со всего мира. Кэтрин уже представляла увитые плющом стены поместья и выступающую башенку с колокольней, а также ясно видела, каково будет бродить по территории, зная, что всё вокруг принадлежит ей.

— Значит, жил, — повторила Кэтрин, скорее себе самой.

Поверенный улыбнулся:

— Лорд Креншоу приказал переделать здесь многое специально для вас. Прежде этот дом был слишком... мужским для юной леди.

Стоило ей только войти в просторный холл с мраморным полом, Кэтрин поняла, что уже влюблена в этот дом. Отсюда она уже видела маленькую столовую с изящным фризом и красивыми карнизами — идеальное место, чтобы позавтракать горячим шоколадом. В гостиной напротив расположился красивый камин в классическом стиле, а ещё Кэтрин заметила рояль «Бродвуд»¹, наверняка установленный для того, чтобы после обеда она могла сидеть и играть. Лестница вела на второй этаж, где должна находиться спальня, и девушка уже знала — комната будет очаровательна, с нежными шёлковыми покрывалом и подушками на кровати и занавесками на окнах.

— Мне нравился наш старый дом, — заявила Элизабет.

— Элизабет! — возмутилась тётушка.

Кэтрин посмотрела вниз и увидела хмурое лицо младшей сестры: бледной десятилетней девочки с тусклыми волосами и очень тёмными густыми бровями.

¹ «Бродвуд», «Джон Бродвуд и сыновья» — старейшая в мире компания по производству фортепиано, основана в Великобритании в 1728 г.

— Здесь ты будешь очень счастлива, — заверила Кэтрин сестру, погладив её по волосам. Она подумала об их уютном домике в Хертфордшире, со старинной мебелью и деревянными панелями. Но конечно же, их прежнее жилище нечего и сравнивать с особняком лорда Креншоу.

В ту ночь после предложения она сидела в постели с Элизабет, обсуждая перспективы, раскрывшиеся перед ней... перед ними всеми.

— Венчание состоится на Ганновер-сквер в соборе Святого Георгия, — восторженно говорила Кэтрин. — Я бы хотела, чтобы это случилось немедленно, но тётушка Хелен говорит, необходимо подождать, пока мне исполнится семнадцать. После этого мы будем жить в Рутерне, но обязательно будем приезжать погостить в Лондон. Лорд Креншоу будет содержать этот дом для тётушки и дядюшки, и ты сможешь оставаться с ними или с нами, когда только захочешь. Но надеюсь, ты предпочтёшь жить с нами! У нас будет гувернантка — такая, чтобы тебе нравилась. А ещё мой жених заплатит за твоё приданое, так что твои шансы найти себе достойную пару тоже увеличатся. Ох, Элизабет! Кто бы мог подумать, что мы будем так счастливы!

— Я не желаю выходить замуж за старика, — заявила та, строго нахмутив сросшиеся брови.

— Ты будешь достаточно богата, чтобы выйти замуж за кого угодно, — заверила Кэтрин, нежно обнимая сестру.

— Прошу простить нашу младшую, — обратилась тётушка к мистеру Прескотту. — Этот дом просто невероятный.

— Позвольте познакомить вас с прислугой, — ответил доверенный. — Лорд Креншоу уже обо всём позаботился.

Прислуги оказалось намного больше, чем ожидала Кэтрин. Экономка, дворецкий и лакеи — для дома, повар и его помощники — для кухонь, а ещё кучер, конюхи и множество горничных, приседающих в реверансах, — им девушка вовсе потеряла счёт.

Тётушка приветствовала каждого, задав ряд вопросов, касавшихся ведения домашнего хозяйства. Кэтрин обрадовалась, узнав, что у неё будет собственная горничная — миссис Дюпон. Это оказалась молодая темноволосая женщина с элегантной причёской, идеально подходящей для горничной состоятель-

ного дома. В радостном волнении Кэтрин думала, что миссис Дюпон могла бы быть француженкой, учитывая фамилию. А ведь служанка-француженка — это истинный признак утонченности! У миссис Дюпон не было французского акцента, но она сразу же расположила к себе Кэтрин, когда сказала:

— Ох, мисс Кент, вы ещё прекраснее, чем о вас говорят! И вам так идёт новая причёска.

Кэтрин было очень приятно — она уже представляла себе платья, которые теперь у неё будут.

— Вы слышали, как меня описывают?

— Лорд Креншоу часто говорит о вас и всегда отзывается высоко.

Конечно же Кэтрин знала, что лорд Креншоу о ней хорошего мнения. Она ведь заметила это в их самую первую встречу — его внимательный изучающий взгляд. В свои тридцать семь мужчина уже годился ей в отцы, но в его идеально подстриженных волосах, темных, как и глаза, не было и намёка на седину. И Анабель, тётушкина горничная, уверяла, что лорд мог похвастаться потрясающей фигурой. Девушка с лёгкостью представила, как он осматривает обширные владения верхом на скакуне либо раздаёт указания целому штату слуг.

Леди Креншоу. Думать о себе так было внове и каждый раз вызывало невольное волнение. Можно будет посещать балы и собрания и даже самой устраивать изысканные приёмы. Каждый сезон у неё будут новые платья.

Когда Кэтрин задумалась, что, наверное, теперь, раз уж она не просто юная леди, а невеста, ей будет позволено носить немного украшений, миссис Дюпон указала на ближайшую лестницу.

— Давайте поднимемся в вашу комнату..

От этого движения рукав платья горничной чуть сдвинулся.

— Что случилось с вашим запястьем? — спросила Кэтрин.

Миссис Дюпон поспешно одёрнула рукав.

— Прошу прощения, мисс Кент. Не хотела, чтобы вы это увидели.

Кэтрин не сразу сумела отвести взгляд. На запястье миссис Дюпон она увидела ожог в форме буквы «С».

Девушка всё же посмотрела в сторону, чувствуя внутри странную тревогу. Миссис Дюпон ведь не виновата, что полу-

чила ожог, и как неправильно волноваться о таком. Но Кэтрин поняла, что беспокоит её не сам ожог. Было что-то в самой букве «С»...

— А как потонула баржа? — спросила Элизабет.

Мистер Прескотт обернулся на детский голос, и тётушка с дядюшкой последовали его примеру. Кэтрин уже приоткрыла было рот, чтобы велеть сестре замолчать, когда тётушка задумчиво проговорила:

— И правда ведь странно, чтобы судно пошло ко дну на реке.

Слуги посмотрели на неё, потом обменялись взглядами. Мистер Прескотт ответил не сразу, но выглядел обеспокоенным, словно не желал сообщать что-то. Кэтрин внимательно ждала ответ. Все они что-то знали — что-то, чего не знала она сама.

— Так что случилось?

Через паузу мистер Прескотт проговорил небрежно, словно о каком-то пустяке:

— Поговаривают, что несчастный случай подстроен кем-то из недоброжелателей. Лорд Креншоу уже послал людей на поиски юноши, которого считает ответственным за происшествие.

— Юноши? — переспросила Кэтрин.

— Да, но не извольте беспокоиться, — заверил мистер Прескотт. — Скоро мы найдём его.

ГЛАВА 6

Медленно приходя в себя, Уилл заставил себя не шевелиться. Он чувствовал, как колется торчавшая из тюфяка солома, ощущал прелый запах: срезанное сено слишком долго оставалось в поле. А ещё зловоние от несвежего пива и от потных тел всех тех, кто спал на этом матрасе, — его явно не проветривали. Похоже, сейчас Уилл находился в какой-то гостинице. До него доносились голоса.

— Никогда не видела ничего подобного, — говорила девушка.

— Никто не видел, — тихо ответил ей мужчина. — Я не знаю никого, кому под силу вложить Осквернённый Клинок обратно в ножны. Но что бы ни сделал этот мальчик, похоже, ему пришлось за это поплатиться.

Уилл лежал очень тихо, понимая, что речь идёт о чёрном мече с корабля. Притворяясь спящим, юноша тщательно подмечал всё вокруг. Его не сковали. Синяки от побоев и порезы пульсировали, а волосы всё ещё оставались влажными, но он больше не чувствовал леденящий холод с реки. Оба голоса казались знакомыми.

— Кто... Кто он такой? — Девушка старалась говорить тихо.

— Мне ведомо лишь, что он ранен и что Саймон зачем-то хотел его получить.

— Уилл просто потерял сознание. Я не била его. Ничего такого, — добавила собеседница, словно оправдываясь. — Когда он очнётся...

— Он уже очнулся, — ответил мужчина.

Уилл открыл глаза и натолкнулся на пристальный взгляд Джастиса. Его волосы цвета воронова крыла обрамляли удивительное благородное лицо. На корабле воин проявил со-

крушительную силу, орудуя палашом, и позже, когда боролся с поднимавшейся водой, после чего прорвался сквозь толпу людей на судне, как воплощение самой надежды.

— Теперь надобно решить, что делать дальше, — проговорил Джастис.

Коричневый плащ скрывал его странную одежду, но мужчина всё ещё носил при себе меч. Уилл видел, как плащ топорщился поверх оружия.

В этой грязной комнате со стенами, покрытыми потрескавшейся штукатуркой, Джастис выглядел ещё более неуместно, чем на корабле — словно скульптура героя, ожившая в совсем не подходящей для этого обстановке.

Позади него, опустив плечи, сидела девушка с привлекательными, хоть и похожими на мальчишеские чертами лица и яростным хмурым взглядом — Вайолет. Она вернулась за ним, Уилл помнил это ясно. Теперь их обоих объединял секрет о её невероятной силе. Эта незримая нить протянулась между ними после того, с чем довелось столкнуться вместе.

А вот то, как Джастис и Вайолет смотрели на Уилла, было ново: настороженно, словно он представлял собой опасность, и они не знали, чего ожидать. Вспомнилась та ночь в Боухилле: нападение, отчаянные слова матери перед смертью, постоянное преследование. А ведь юноша даже не знал, почему те люди гнались за ним и почему пытались убить... Только тот взгляд и нож, направленный на него...

Уилл приподнялся и сел на матрасе, игнорируя резкую боль и приступ головокружения.

— Мне нужно уйти.

Справа находилась дверь, единственный выход отсюда. Окна закрывали ставни, выкрашенные в чёрный цвет и снабжённые тяжёлыми деревянными щеколдами. Толстые оштукатуренные стены заглушали большую часть звуков, но снизу, из-под деревянного пола, доносились тихие голоса. Похоже, эта комната располагалась на самом верхнем этаже гостиницы. Сердце забилось от хорошо знакомого застарелого страха.

Первое правило, которое пришлось усвоить Уиллу, — держаться подальше от постоянных дворов, потому что за ними постоянно наблюдали. Как и за дорогами.

— Всё хорошо. Мы выбрались с корабля, — сказала Вайолет. — Ты в безопасности.

— Никто из нас не в безопасности, — возразил Джастис.

Он приблизился вплотную к Уиллу, который постарался не вздрогнуть, когда ощутил кожей движение воздуха от опавшего плаща мужчины. Затем изучил юношу, каждый синяк и порез на его руках и на лице, потом посмотрел ему в глаза и тихо добавил:

— Полагаю, ты понимаешь это даже лучше, нежели мы. Не так ли?

Уилл чувствовал себя уязвимым. Его *видели* насквозь — впервые с тех пор, как он ударился в бега. Эти двое знали, что Саймон хотел заполучить его. Возможно, они знали и что-то ещё, например, ответы на вопросы: почему он убил мою мать? Почему преследует меня?

В конце концов, оба его спутника являлись частью всей этой истории, как таинственное отражение в зеркале, медальон и та ужасающая вспышка чёрного пламени. То, как Джастис сражался на судне, казалось просто физически невозможным. Он бросил молодого мужчину из одного конца трюма в другой. Воин был так же невероятно силён, как и Вайолет, которая разорвала цепи.

Любой из них обладал достаточной мощью, чтобы разорвать Уилла надвое. Но куда больше его пугало то, *что* они могли знать о нём.

— Понятия не имею, о чём вы, — он постарался, чтобы его голос звучал ровно.

Джастис снял с пояса висевшую там, словно чётки у монаха, тонкую серебряную цепочку с закреплённым на конце большим осколком белого халцедона, гладкого точно галька.

— Это — реликвия моего ордена, — сказал вместо ответа мужчина. — Помогает раненым. — Он взял со стола помятую жестяную кружку и начал наливать воду из кувшина, удерживая цепочку так, чтобы влага стекала по камню. — Вот, выпей-ка.

— Я в порядке, — возразил Уилл.

— Говорят, после битвы при Оридесе основатель нашего ордена исцелял раненых с помощью этого камня. Их было так много, что все трещины и сколы реликвии сгладила вода. Не-

взирая на угасающую силу халцедона — сие чудо для тех, кто ничего не знает о старом мире.

Соприкасаясь с камнем, влага искрилась, сверкала словно чистейший родник в солнечных лучах. Уилл почувствовал то же покалывание, как когда заглянул в зеркало. Джастис назвал это чудом.

Мужчина передал кружку с лежащим на дне камнем. Серебряная цепочка свисала через край. Уилл невольно взял её, хотя собирался просто отодвинуть. Блики, отражённые реликвией, падали ему на лицо, как солнечный свет.

Юноша поднёс кружку к губам. Вода оказалась прохладной — то, что надо. Головокружение отступило, как и тяжёлая усталость, которую он испытывал с тех самых пор, как поднялся на корабль. И хотя порезы не затянулись чудесным образом, казалось, что боль от побоев немного утихла и даже дышать стало легче.

— Наше краткое пристанище носит имя «Белый Олень», — объяснил Джастис. — И ты прав. Нам нельзя оставаться в гостинице надолго.

— Я уже сказал: мне нужно уйти, — Уилл попытался встать.

— Ты едва в состоянии самостоятельно передвигаться, — покачал головой Джастис. — И ошибаешься, если полагаешь, будто на улицах Лондона будет безопаснее. У Саймона целая сеть соглядатаев. Только Чертог вне его власти. Нужно дождаться ночи и придумать, как пробраться туда.

— Чертог? — переспросил Уилл.

— Не думаю, — произнёс Джастис, — что вы двое понимаете, во что оказались втянуты.

Уилл невольно посмотрел на Вайолет. Тёмные кудрявые волосы коротко пострижены, как у мальчишки, а смуглую кожу на лице покрывают веснушки. Одежда хоть и походит на то, что носил он сам — брюки, жилет и камзол, — однако гораздо лучшего качества.

«Вы двое...» Юноша не знал, как его нынешние спутники оказались связаны. Последнее, что помнил Уилл: он пытался сделать шаг, закинув руку на плечи Вайолет, а потом его захлестнула слабость. Перед этим Джастис сражался с людьми Саймона, и девушка была на их стороне. А сейчас оказалась здесь — стояла у закрытых окон, напряжённая. Мужчина обо-

шёл единственные из предметов мебели в комнате стул и стол, после чего сосредоточил внимание на Уилле.

— Так расскажите мне, — проговорил тот.

— Вот что известно мне, — сказал Джастис. — Саймон искал мальчика и его мать на протяжении семнадцати лет: следил за дорогами, за гостиницами и за портами в этой стране, на материке и за его пределами, вплоть до самых отдалённых уголков своей торговой империи. Объекты же интереса успешно скрывались, всегда оставаясь на шаг впереди. До тех самых пор, пока девять месяцев назад Саймон всё же не обнаружил и не убил их обоих. — Мужчина подался вперёд, пристально глядя на Уилла. — Прошлой ночью я следил за кораблём из укрытия и увидел, как Лев выкрикивал приказы под дождём, а люди с горящими факелами под покровом ночи вели на борт пленника. Я думал, что это мой брат по оружию Маркус. Но это оказался кое-кто другой.

— Понятия не имею, какое отношение всё это имеет лично ко мне, — сказал Уилл и невольно затаил дыхание, вспомнив, и как скрывался все эти месяцы, и страх в глазах матери на протяжении многих лет до того.

— Действительно? — уточнил Джастис. — Хотя я и не могу призвать Клинок, мне довелось повидать и сразиться с тёмными и опасными существами. И Саймон — самый опасный из них. Поелику он обратил на тебя свой взор, скрыться и сбежать уже не удастся.

— Это невозможно, — вмешалась Вайолет. — Саймон — обычный купец. Он суров, но все докеры такие. А вы говорите о нём, словно... Он не убивает женщин и детей.

— Вы действительно полагаете, что всё это — просто торговые операции? — спросил Джастис. — Вы видели клейма на запястьях людей Саймона. Видели неестественную силу того, кого называют Львом.

— Вы имеете в виду того юношу, с которым сражались, — уточнила Вайолет.

— Юноша, который взял в плен вас обоих, — ответил Джастис.

«Вас обоих?» Уилл невольно посмотрел на девушку, которая залилась виноватым румянцем. Она точно не была пленницей, так как сама подхватила того юношу, Льва, и вытащила его с тонущего корабля.

Уилл вдруг понял, что Джастис этого не знает. Как и о том, что Вайолет работала на Саймона, а считает её пленницей, потому и привёл сюда.

Теперь стало ясно, почему они действовали как союзники. И почему девушка так нервничала, а Джастис доверял ей и спокойно поворачивался спиной, словно не замечая угрозы. В темноте трюма, в хаосе боя он, похоже, просто не видел, кто его оглушил.

Джастис никак не мог знать, что Вайолет оставила его плавать в воде лицом вниз без сознания, а вместо него спасла Льва Саймона.

Уилл помнил, как остался один, измученный. А трюм постепенно затопливалось, и чёрная вода бурлила вокруг, поднимаясь все выше. Вложить кошмарный меч в ножны удалось, а вот сбегать с корабля — нет. Держали цепи, прикованные к тяжёлой балке. Тогда юноша думал, что всё кончено, что все попытки сбегать привели его в тёмный тупик, который вскоре станет водной могилой.

А затем поднял взгляд и увидел сердитое лицо Вайолет, стоявшей на ступеньках. Она пробралась вперёд, положила руки на плечи, сорвала цепи. И вот Уилл очнулся в гостинице, хотя уже и не надеялся, что когда-либо придёт в себя.

— Да, — подтвердил он без заминки, намеренно не глядя на Вайолет, а только на Джастиса. — Юноша, который взял нас обоих в плен.

— Создание Саймона, — с отвращением произнёс тот. — Он поклялся служить господину, как и положено Льву. Это в его крови.

Уилл скорее почувствовал, чем увидел, как Вайолет отреагировала на эти слова.

— Вы ведь знаете, не так ли? Знаете, что объединяет все эти... — он мог бы сказать «чудеса», как выразился сам Джастис, а мог бы подобрать собственное определение — ужасы. — Все эти странные неестественные вещи.

Женщина с глазами, как у мамы, в зеркале... Меч, источавший чёрное пламя на корабле... Мэтью, который передал странный медальон, а потом погиб... Уилл никогда не забудет мёртвые глаза слуги и то, как они слепо вглядывались в дождь...

— Я не могу поведать тебе всё, — ответил Джастис, понизив голос. — Даже для моего ордена многие тайны по-прежнему скрыты. А некоторые истории рассказывать слишком опасно даже при свете дня.

— Я видел... разное. И знаю, что Саймон — опасный человек, — произнёс Уилл. — Никто не выжигает собственное имя на телах своих людей.

— Ты думаешь, «С» на его клейме означает «Саймон»? — покачал головой Джастис. — Или, быть может, «слуга», «смирение»? Нет, эта буква — символ чего-то гораздо более древнего. Ужасная печать, имеющая власть над его последователями. Власть, которую они даже не понимают до конца.

— Что это за символ? — спросил Уилл.

Джастис просто смотрел на него, явно зная ответ. Это клеймо казалось древней, злой, хищной тайной, словно именно она, а не люди, носившие тавро, преследовала Уилла. Его сердце забилось чаще, будто что-то огромное и очень важное приблизилось к самой границе восприятия — но так, что не дотянуться.

После долгой паузы Джастис подвинул стул и сел, наполовину скрытый теньями, как и тяжёлым коричневым плащом, и произнёс:

— Это всё, что я могу вам рассказать. — Свет в комнате стал ещё тусклее: — Давным-давно мир был полон чудес. Магии, как вы бы это назвали. Огромные башни и дворцы, благоуханные сады, необыкновенные диковины...

Казалось, эта история знакома Уиллу, хотя он никогда её прежде не слышал.

— В том самом мире появился Тёмный Король. Его сила росла, и он убивал всех, кто стоял у него на пути, — в комнате горела одна-единственная свеча, и её пламя колебалось, размывая черты Джастиса. Уилл почувствовал, что почти задыхается, что каждое слово точно заклинание выплетает образы старого мира в его сознании. — Это была эпоха ужаса. Тень Тёмного Короля окутала все земли. Целые армии разбивались о его мощь. Города пали, разрушенные его ордами. Герои отдавали жизни, чтобы удержать его хотя бы на мгновение. Огни мира гасли один за другим, доколе не остался лишь светоч — Последнее Пламя. Оставшиеся борцы с тьмой собрались рядом с ним на последний бой.

Уилл видел всё это — островок света в окружении тёмной бездны, и посреди неё — фигуру, облечённую невероятной силой, увенчанную бледной короной.

— Они сражались, — продолжал Джастис, — пока земля не была очищена. Они сражались за свою жизнь и за все будущие поколения. И благодаря их великой жертве Тёмный Король всё же оказался свергнут...

— Но как? — Уилл, совершенно поглощённый рассказом, казалось, словно сам оказался там, измученный боем, чувствуя жар пламени и привкус пепла на губах.

— Этого никто не знает, — ответил Хранитель. — Но его поражение дорого обошлось всем. От того мира ничего не осталось, всё лежало в руинах. Выживших оказалось слишком мало. Минули годы, и всё потонуло в тишине времени. Трава проросла на полях боя, где когда-то сражались армии. Дворцы стали не более чем россыпью камней, забытыми творениями мёртвых... Понемногу люди заселили эти земли, построили города, не зная, что находилось здесь прежде. Ибо тот мир — это наш мир, только утративший все чудеса, кроме крохотных осколков вроде этого камня. А со временем и последние реликвии истают, обратятся в ничто.

Джастис поднял белый халцедон, покачивавшийся на конце цепочки словно маятник гипнотизёра.

«Осколок некогда великого мира...» — подумал Уилл.

— А Саймон? — спросил он, будто только сейчас вынырнув из зачарованного сна и с удивлением обнаружив вокруг себя обычную комнату в гостинице — словно и не было никаких образов прошлого.

— Саймон — потомок Тёмного Короля, поклявшегося вернуться и снова захватить своё королевство, — ответил Джастис, и взгляд его омрачился. — И делает всё, чтобы помочь ему снова занять трон.

Словно порыв ветра пронёсся по комнате, и Уиллу вдруг стало очень холодно.

«Саймон делает всё, чтобы вернуть его...»

Эти слова звенели в его разуме, и он боялся того, что оставалось пока за закрытыми ставнями. Люди Саймона с клеймом в виде буквы «С» на запястьях убили мать Уилла, а потом преследовали его самого, чтобы тоже убить.

Старый мир, Тёмный Король — всё это казалось невозможным. И всё же присутствие той самой фигуры в бледном венце ощущалось так реально, словно она была сейчас прямо здесь, с ними.

Белый халцедон покачивался на цепочке, и Уилл откуда-то знал, что этот артефакт — не единственный осколок старого мира. Таковым был и чёрный меч на корабле — ужасающее оружие, раскопанное Саймоном для смертоносных целей. При одном воспоминании о клинке Уилл невольно вздрогнул.

— Такого не пишут в книгах по истории, — потрясённо проговорил он.

— Не всё, что записано, случилось на самом деле, — ответил Джастис, — и не всё, что случилось, записали, — он выглядел встревоженным. — Только в моём ордене помнят об этом. Только мы блюдём древние традиции, и не случайно именно сейчас Тёмный Король протянул руку сквозь время, ведь наши ряды редуют.

Плащ соскользнул с левого плеча Джастиса, и Уилл увидел сразу две вещи. Во-первых, ткань на рукаве от запястья до плеча покраснела от крови. Мужчина получил пулю, заслонив Вайолет, так как думал, что спасает её от людей Саймона. Во-вторых — испачканный, потёртый, но всё ещё чёткий символ на облачении: белая звезда с лучами разной длины, похожая на компасную розу.

«Яркая звезда по-прежнему сияет...» — вспомнил Уилл.

— Вы — Хранитель, — произнёс он и вдруг вспомнил о медальоне, который носил под рубахой.

Люди Саймона не забрали его, не найдя ничего интересного в тусклом покорёженном куске старого металла.

— Наш священный долг состоит в том, чтобы противостоять Тьме, — ответил Джастис. — Но если Саймон добьётся своего, одних нас будет недостаточно. Когда Тёмный Король обрёл власть, все пали пред ним. И единственным, кто мог его остановить...

Уилл почувствовал, как это знание рвётся изнутри, словно оно часть его.

— Единственной, — поправил он. — Это была женщина.

Он вспомнил незнакомку в зеркале, древнюю и прекрасную, с глазами, полными той же решимости, что и у матери Уилла.

Он вспомнил, как его буквально обожгло узнаванием, когда их взгляды встретились. И казалось, она тоже узнала его.

— Она смотрела на меня так, словно знала, кто я.

Что-то внутри сжалось.

— Ты *видел* её?

— В зеркале, — на миг Уилл прикрыл глаза, почувствовав тепло металла на груди, но потом всё же решился. — На ней было вот это.

Дрожащими пальцами юноша расстегнул грубую рубашу, вынул потёртый медальон. Тот покачивался на кожаном шнурке — пятилистный цветок, на котором выгравированы слова на странном языке. И теперь эти слова обретали новый смысл:

Когда придёт время для новой битвы, я не смогу сражаться.

Потому у меня будет дитя.

Джастис замер.

— Откуда это у тебя?

Уилл подумал о Мэтью, старом слуге матери, вспомнил его невидящие глаза, его промокшую насквозь одежду.

— Он принадлежал моей матери.

Джастис резко выдохнул и в следующий миг сунул медальон обратно под рубашу юноши, помешав ему задать вопрос, прошипев:

— Не показывай его больше никому. — Мужчина выглядел потрясённым, и Уилл понял, что в самом деле лучше спрятать медальон и зашнуровать рубашу. — Нужно отвести тебя к Старейшине Хранителей. Я явился на тот корабль в поисках Маркуса, моего брата по оружию, но встретился с тем, что мне не по силам, — Джастис серьёзно взглянул на него. — Но клянусь защищать тебя даже ценой собственной жизни. Мой меч к твоим услугам. Я не позволю Саймону забрать тебя. — Хранитель на секунду прикрыл глаза, словно даже ему был ведом страх. — Полагаю, после твоего побега он перероет весь Лондон, лишь бы снова найти тебя.

«Ты должен пойти к Хранителям», — сказал Мэтью. Джастис мог дать ответы на интересующие вопросы и пока единственный из всех встреченных противостоял Саймону. А ещё, похоже, понимал, с чем имеет дело.

Уилл кивнул.

— До заката осталось недолго, — проговорил Джастис. — Как только стемнеет, мы можем отправиться в Чертог, все втроём.

— Все втроём, — повторил Уилл, думая о странном союзе, сложившемся там, в сплаве воды и чёрного пламени, и обернулся, ища взглядом Вайолет.

Её нигде не было.

ГЛАВА 7

Сколотящимся сердцем Вайолет выбежала на улицу и окунулась в привычные звуки Лондона: цокот копыт, восторженный лай собаки, крик газетчика: «Свежие новости!» Мимо проехал дилижанс. Какой-то мальчишка выпрыгнул перед телегой с водой, и извозчик небрежно окрикнул его: «Смотри, куда лезешь!»

Вайолет удивлённо моргнула — всё казалось таким нормальным, обыденным. Совсем не как в гостиничной комнате с темноглазым юношей на кровати и мужчиной, одетым как какой-нибудь древний рыцарь и вещающим о событиях давно исчезнувшего мира. Магия и Тёмные Короли... Уилл слушал рассказ Джастиса так, словно верил каждому слову. И сама Вайолет, вспоминая чёрный огонь на борту «Охотника» и видя, как синяки исчезают с лица избитого пленника после глотка воды из кружки с белым камнем, в какой-то миг начала верить.

А о Томе Джастис говорил так, словно тот был...

Будто тот был чудовищем. Будто и в самом деле мог выследить женщину и убить её. Будто служил неким тёмным силам, причём по доброй воле. *«Создание Саймона. Это в его крови...»* Ужас начал душить Вайолет, когда она вспомнила, как Том, весь забрызганный кровью, вонзил железный штырь в грудь той женщины на борту «Охотника». *«Давным-давно существовал мир, который уничтожили битвы с Тёмным Королём...»*

Слева от девушки кто-то рассмеялся. Группа молодых людей в грубых рубахах с закатанными рукавами прошла мимо неё, хлопая друг друга по спине и посмеиваясь над какой-то шуткой. Вайолет вздохнула, покачав головой.

Улица оставалась просто улицей. Никаких преследователей, никаких теней, подсланных Саймоном. Конечно же, ничего